

ЧЕРНИГОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

1 Іюля

№ 13.

1868 года.

Содержаніе. I. Распоряженія епархіального начальства.—II. Дѣйствія и распоряженія епархіального попечительства.—III. Извѣстія.

II.

Распоряженія Епархіального Начальства.

Опредѣлены:

Священникъ, села Перелюба сосницкаго уѣзда, Евфимій Яичевскій духовникомъ въ 4-й благочиннической округъ сосницкаго уѣзда.

Заштатный священ. Антоній Пекалицкій на штатное священническое мѣсто въ село Звиничевъ, городниц. у.

Іеромонахъ Герасимъ, новгородской епархіи, скова-родскаго монастыря, въ число братіи черниговскаго троицкаго архіерейскаго дома.

Окончившій курсъ черниговской семинаріи Павелъ Стопановскій священникомъ въ село Юрьевку черниговскаго уѣзда.

Священникъ гамалѣвскаго монастыря, Михаилъ Словевъ на свящ. мѣсто въ село Грузкую кролевецкаго уѣзда.

Заштатный свящ., м. Александровки сосницкаго у., Стефанъ Чикилевскій въ м. Седневъ къ успенской церкви на свящ. мѣсто.

Сверхштатный діаконь, села Локнистаго черниговскаго уѣзда, Іоаннъ Чикилевскій на дьячковское мѣсто въ село Печи борзенскаго уѣзда.

Пономарскій сынъ Терентій Костенецкій послушникомъ нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря.

Безмѣстный дьячекъ Романъ Новиковъ пономаремъ въ село Чемеръ козелецкаго уѣзда.

Безмѣстный пономарь Ѳедоръ Баришевскій на пономарское мѣсто въ село Курозново новозыбковскаго у.

Діакопскій сынъ Діонисій Скальковскій пономаремъ къ соборно-троицкой церкви г. Борзны.

Послушникъ рыхловскаго монастыря Василій Санбурскій дьячкомъ къ городницкой Васильевской церкви.

Пономарскій сынъ Иванъ Трощановскій пономаремъ въ село Глазовъ мглинскаго уѣзда.

Послушникъ рыхловскаго монастыря Алексѣй Бернацкій звонаремъ въ черниговскій кафедральный соборъ.

Пономарскій сынъ Петръ Скубачевскій въ село Новый Бѣлоусъ пономаремъ.

Дьячковскій сынъ Іоаннъ Якимовичъ въ козелецкій георгіевскій монастырь для изученія причетническихъ предметовъ.

Діакопскій сынъ Іоаннъ Сапожковъ въ новгородскаго верской монастырь для изученія.

Священнический сынъ Андрей Красовскій въ думницкій р. Богородичный монастырь.

Пономарь, села Мериновки стародубскаго уѣзда Адрианъ Лапчинскій въ повгородсѣверскій монастырь.

Пономарскій сынъ Ілія Острицкій въ козелецкій георгіевскій монастырь.

Дьячекъ, села Малой Загоровки борзенскаго уѣзда, въ батуриискій монастырь послушникомъ.

Послушникъ повгородсѣверскаго монастыря Михаилъ Красовскій въ нѣжинскій благовѣщенскій монастырь.

Бывшій причетникъ казанской единовѣрческой церкви Ѳедоръ Пріемовъ въ климовскій покровскій монастырь въ число послушниковъ.

Мѣщанинъ г. Сумъ Евстафій Скларъ въ число послушниковъ глуховскаго монастыря.

Дьячковскій сынъ, курской епархіи, Яковъ Пуновскій послушникомъ въ думницкій монастырь.

Пономарскій сынъ Максимъ Кириловскій въ батуриискій монастырь для изученія причетническихъ предметовъ.

Вдова дьячка Матрона Нѣговская просфирнею въ село Плеховъ черниговскаго уѣзда.

Дочь умершаго діакона Матрона Арендарева и дочь умершаго священника Марія Типченкова просфирнями; первая въ село Рубежное новозыбковскаго уѣзда, а послѣдняя въ село Красновичи суражскаго уѣзда.

Перемѣщены:

Дьячки, села Яновки черниговскаго уѣзда, Симеонъ Чернявскій и села Малаго Листвена городницкаго уѣзда, Николай Масютинъ одинъ на мѣсто другого.

Пономари, села Осколкова мглинскаго уѣзда, Иванъ Якимовичъ и села Супрягина, Александръ Коровкевичъ одинъ на мѣсто другаго.

Священникъ, села Логоватаго стародубскаго уѣзда, Назарій Неаполитанскій въ село Клишки кролевецкаго у.

Священникъ, села Кожановъ суражскаго уѣзда, Петръ Михальченко въ заштатный городъ Березное къ вознесенской церкви.

Иеромонахъ Филаретъ козелецкаго георгіевскаго монастыря въ черниговскій елецкій монастырь.

Послушникъ глуховскаго петропавловскаго монастыря Григорій Бабилевъ въ черниговскій елецкій монастырь.

Пономарь, села Юрьевки черниговскаго уѣзда, Григорій Мищенко въ село Мохнатино черниговскаго уѣзда.

Діаконъ, состоящій на дячковской вакансіи, при свято-духовской церкви м. Ивангорода борзенскаго уѣзда, Игнатій Косинскій и дячекъ преображенской церкви того же мѣстечка Николай Лудановъ одинъ на мѣсто другаго.

Дячекъ, села Хотиновки нѣжинскаго уѣзда, Иванъ Смалъ на пономарскую вакансію въ село Козацкое кролевецкаго уѣзда.

Уволены:

Ученикъ низшаго отдѣленія черниговской семинаріи, діаконскій сынъ Петръ Финицкій изъ духовнаго въ свѣтское званіе.

Священнической сынъ Сумеонъ Минтюковъ изъ духовнаго званія въ свѣтское.

Священникъ, села Павловки мглинскаго уѣзда, Илія Еренковъ за штатъ.

Послушникъ черниговскаго елецкаго монастыря Григорій Коношевичъ изъ монастыря и изъ духовнаго званія.

Ученикъ вышшаго отдѣленія Черниговскаго духовнаго училища Иванъ Семиродъ изъ духовнаго званія въ свѣтское.

Послушникъ Новгородсѣверскаго монастыря Варлаамъ Чуриковъ изъ монастыря и духовнаго званія.

Послушникъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря Александръ Лѣтовъ изъ монастыря и духовнаго званія.

Послушникъ Козелецкаго Георгіевскаго монастыря Андрей Яновецъ изъ монастыря и духовнаго званія.

Рукоположены во священника: окончившій курсъ Черниговской Духовной Семинаріи студентъ Федоръ Васютинскій къ Михайловской церкви села Кагарликовъ Нѣжинскаго уѣзда.

Окончившій курсъ той же Семинаріи Яковъ Лобановскій крестовоздвиженской церкви села Павловки Мглинскаго уѣзда.

Посвященъ въ стихарь пономарь троицкой церкви м. Любеча Городницкаго уѣзда, Яковъ Косминскій.

Утверждены въ должности церковныя старосты: къ Параскевѣевской церкви г. Чернигова Надворный Совѣтникъ Никифоръ Вакуловскій.

Крестьянинъ собственникъ Емеліанъ Грищенко въ селѣ Карповичахъ Новозыбковскаго уѣзда; крест. собственникъ Николай Кузюковъ въ с. Соловьевкѣ того же уѣзда; казенный крестьянинъ Василій Курочка въ с. Карабутовѣ Конотопскаго уѣзда.

— въ должности помощника благочиннаго по 1 округу Остерскаго уѣзда священникъ г. Остра Иларіонъ Маккавейскій.

Произведенъ въ санъ протоіерея по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 22 марта сего года священникъ города Борзны Христорождественской церкви Павелъ Марковскій.

Дозволено носить черную бархатную скуфію священнику села Дрокова Суражскаго уѣзда Григорію Бялоновичу въ слѣдствіе ходатайства прихожанъ 3 Іюня сего года.

Открыто приходское попечительство 28 апрѣля сего года при Михайловской церкви села Бѣлоусовской-Слободы Новгородсѣверскаго уѣзда подъ предсѣдательствомъ крестьянина-собственника Ивана Пустовойтова.

Просвѣщена св. крещеніемъ купеческая дочь г. Чернигова, дѣвица еврейка Гетта Рейзинъ 7 апрѣля сего года съ нареченіемъ имени—Вѣра.

Разрѣшено вступить въ новый бракъ солдаткѣ, жителькѣ села Браницы, Козелецкаго уѣзда Варварѣ Михайловой Турчиновой, за безвѣстною отлучкою мужа ея Исидора Федорова Турчина.

О розысканіи послушника Александра Иванова, 22 января 1868 года своевольно и тайно ушедшаго изъ Нѣжинскаго монастыря неизвѣстно куда, журналомъ Черниговской Консисторіи 12 Іюня 1868 г. опредѣлено: припечатать въ официальной части Епархіальныхъ Извѣстій, съ тѣмъ, чтобы благочинный, въ вѣдомствѣ котораго оный Ивановъ окажется, немедленно выслалъ бы его въ монастырь, и о томъ донесъ Консисторіи.

Отъ Семинарскаго Правленія.

Правленіе Семинаріи журналомъ 20 Іюня между прочимъ опредѣлило: объявить воспитанникамъ семинаріи и духовенству, что прошенія о принятіи учениковъ на казенное содержаніе должны быть подаваемы своевременно, т. е. два раза въ годъ—въ мѣсяцахъ Августѣ и Декабрѣ.

Отъ Правленія Черниговскаго духовнаго училища.

Многіе ученики, явившіеся съ праздника пасхи, послѣ срока, на отпускъ имъ даннаго, объявили, что они просрочили по болѣзни и что о болѣзни ихъ дано знать мѣстнымъ благочиннымъ, но отъ благочинныхъ свѣдѣній о томъ въ Училищномъ Правленіи не получено; другіе—представили удостовѣреніе о своей болѣзни не отъ благочинныхъ.

Вслѣдствіе сего Правленіе Училища покорнѣйше проситъ редакцію Епархіальныхъ Извѣстій припечатать въ Извѣстіяхъ, что свидѣтельство о болѣзни учениковъ, послѣ срока явившихся въ училище, на основаніи существующаго постановленія, освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности предъ начальствомъ только тогда, когда это свидѣтельство представлено отъ мѣстнаго благочиннаго и притомъ своевременно.

Вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго однимъ изъ священниковъ Черниговской епархіи о учебныхъ книгахъ, Правленіе Черниговскаго духовнаго училища покорнѣйше проситъ редакцію Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій припечатать въ извѣстіяхъ, что, на основаніи существующаго постановленія высшаго духовно-училищнаго началь-

ства, Правленіе Черниговскаго училища, сдѣлало распоряженіе о выпискѣ учебныхъ книгъ для продажи ученикамъ того училища.

Дѣйствія Епархіальнаго Попечительства.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, принадлежащихъ: 1) Черниговскому Епархіальному Попечительству и 2) Училищу двѣицъ духовнаго званія, за 1867 годъ.

А. По Епархіальному Попечительству.

Отъ прежнихъ лѣтъ къ 1867 году оставалось:

1) Наличной суммы	14071 р. 79 к.
2) Въ государственныхъ, непрерывно- доходныхъ 4% билетахъ и свидѣтельствѣ Кіевской Конторы Государственнаго Банка	39085 « — «
3) Въ долгахъ	4420 « — «
И процентовъ въ недоимкѣ	133 « 75 «

Итого 57710 р. 54 к.

Въ 1867 году поступило на приходъ:

1) Собранныхъ въ находящіяся при церквахъ и соборахъ Черниговской епар.

хих кружки и по пригласительнымъ листамъ духовнаго попечительства . . . 4448 р. 29¹/₂ к.

2) Пожертвованныхъ изъ кошельковыхъ суммъ и изъ доходовъ отъ церковныхъ имуществъ . . . 114 « 70¹/₂ «

3) Штрафныхъ, взысканныхъ по опредѣленіямъ Духовной Консисторіи . . . 213 « 34 «

4) Назначенныхъ въ пособіе, но возвращенныхъ въ попечительство, по случаю смерти призрѣваемыхъ и по другимъ причинамъ . . . 140 « 83 «

5) Процентомъ по 4% билетамъ, въ вѣдѣніи попечительства имѣющимся, также по серіямъ и ссудамъ . . . 2482 « 72¹/₄ «

6) Возвращенные ссуды . . . 1005 « 75 «

Итого въ приходѣ . . . 8405 « 64¹/₄ «

Сверхъ сего поступило въ долговую сумму . . . 1816 р. 25 к.

Изъ этой суммы въ 1867 году пошло въ расходъ:

1) На пособія престарѣлымъ священно-церковно-служителямъ, также вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія, съ страховыми . . . 3802 « 8¹/₄ «

2) На пособія единовременныя по разнымъ случаямъ, съ страховыми . . . 508 « 93¹/₂ «

3) На содержаніе канцеляріи попечительства, а именно: на жалованье Се-

кретарю, тремъ писцамъ и сторожу, также на отопленіе, освѣщеніе, бумагу, сургучъ и другія потребности 494 « 89 «

4) На выдачу въ ссуду 2800 « — «

Итого въ расходѣ 7605 р. 90³/₄ к.

За тѣмъ къ 1868 году осталось:

1) Наличной суммы 14871 р. 52¹/₂ к.

2) Въ непрерывно-доходныхъ 4% билетахъ и свидѣтельствѣ Кіевской Конторы Государственнаго Банка 39085 р. — «

3) Въ долгахъ 6214 « 25 к.

И процентовъ въ недоимкѣ 155 « 75 «

Всего 60326 р. 52¹/₂ к.

Б. По Училищу дѣвицъ духовнаго званія:

Отъ прежнихъ лѣтъ къ 1867 г. оставалось:

1) Наличныхъ денегъ 14087 р. 29³/₄ к.

2) Въ государственномъ непрерывно-доходномъ 4% билетѣ, расчетной книжкѣ Кіевской Конторы Государствен. Банка и 5% билетѣ Государственнаго Банка 3442 р. — «

3) Въ долгахъ 800 р. — «

Итого 18329 р. 29³/₄ к.

Въ 1867 г. поступило на приходъ:

1) Собранныхъ по книгамъ, которыя выданы причтамъ Черниговской епархіи 1231 р. 53¹/₂ к.

2) Позволенныхъ 834 « 11¹/₄ «

3) Пожертвованныхъ при погребеніи умершихъ, при бракахъ и друг. случаяхъ	1391	«	13 ¹ / ₄ «
4) Вознесенныхъ за содержаніе частныхъ пансіонерокъ	874	»	80 «
5) Представленныхъ цеховыми управами	9	«	— «
6) Возвращенныхъ Кіевскою Конторою Государственнаго Банка по расчетной книжкѣ той Конторы	2288	«	— «
7) Процентовъ по билетамъ, серіямъ и ссудамъ	854	«	23 ¹ / ₄ «
8) Пожертвованій въ пользу храма училищнаго	10	«	— «
9) Возвращенной ссуды	75	«	— «

Итого въ приходѣ . 7567 р. 81¹/₄ к.

Сверхъ сего пожертвовано г-жею попечительницею училища Гундіусъ два 5⁰/₁₀₀ билета въ . 250 р.

Изъ этой суммы въ 1867 году поступило въ расходъ:

1) На окончаніе храма	281	р.	84	к.
2) На страхованіе и починку училищныхъ зданій, также на отопленіе, освѣщеніе, приобрѣтеніе желѣзныхъ кроватей, посуды, мебели и другія нужды по дому	1885	»	47	«
3) На выдачу жалованья служащимъ при училищѣ и прислугѣ	1033	«	27 ¹ / ₂	«
4) На пищу и медикаменты	1722	«	63	«
5) На одежду, бѣлье и обувь	1176	»	¹ / ₄	«

6) На учебныя пособія и предметы
рукодѣлья 166 « 5¹/₄ «

Итого въ расходѣ 6266 р. 5¹/₄ к.

Сверхъ того выключено изъ билетовъ
и долговъ, за поступленіемъ въ наличную
сумму 2363 р. — «

За тѣмъ къ 1868 году осталось.

1) Наличныхъ денегъ 15389 р. 5³/₄ к.

2) Въ билетахъ 1404 р. — «

3) Въ ссудѣ 725 р. — «

Всего 17518 р. 5³/₄ к.

Подлинный, обривизованный отчетъ подписали члены попечительства и училищнаго комитета: протоіерей Черниговскаго каедральнаго собора Василій Казимовскій, священникъ Григорій Діаконовъ, священникъ Іоаннъ Буриновъ, священникъ Николай Морачевскій и члены ревизионнаго комитета: архимандритъ Теофилъ, каедральный протоіерей Евѳимій Пучковскій и священникъ Григорій Діаконовъ.

Скрѣпилъ секретарь, надворн. совѣтн. Дорошевскій.

Вакантныя должности при училищѣ двѣицъ духовнаго званія.

Въ Черниговскомъ духовномъ двѣицѣ училищѣ, по случаю увольненія 2-хъ помощницъ начальницы училища Семеновской и Охременко, по ихъ прошенію, открылось 2 вакансіи на эти должности. Училищный Комитетъ сооб-

щаетъ объ этомъ къ свѣдѣнію благочиннымъ и всѣмъ священнослужителямъ Черниговской епархіи съ тѣмъ, что если они имѣютъ въ виду дѣвицъ, получившихъ образованіе, достаточное для занятія тѣхъ вакансій, то предложили бы имъ явиться въ училище и просить о замѣщеніи ихъ на тѣ вакансіи, съ правомъ имѣть помѣщеніе и столъ въ училищѣ и сверхъ того денежнаго вознагражденія отъ 75 до 100 руб., смотря по способностямъ и служебной дѣятельности и съ обязательствомъ прослужить при училищѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ.

Пожертвованія въ пользу училища.

Благочинный 1-го округа Нѣжинскаго уѣзда протоіерей Іоаннъ Чернявскій, по случаю полученія Всемиловѣйше пожалованнаго ему ордена св. Анны 3-й степени, пожертвовалъ въ пользу Черниговскаго училища дѣвицъ духовнаго званія десять рублей.

III.

Извѣстія.

Умерли.

Діаконъ Благовѣщенской церкви г. Суража Петръ Матусевичъ 6-го минувшаго Апрѣля.

Пономарь, села Блазова Мглинского уѣзда, Андрей Трощановскій 17 прошлаго Мая.

Просфирня, села Рубежнаго Новозыбковского уѣзда, священническая дочь Матрона Макаревская 23 Апрѣля сего года.

III

разумѣлись всѣ нисшіе служители церкви, которые, по распространеніи ея, приставляемы были къ опредѣленнымъ должностямъ служенія и стали, подобно раздробленію прочихъ степеней іерархіи, называться посему различными именами, какъ то: чтеца, пѣвца и проч.

О діаконь.

Должности діакона, въ собственномъ смыслѣ такъ называемаго, или священно-діакона были слѣдующія: 1) при собраніи христіанъ въ домъ молитвы они принимали приношенія ихъ и представляли оныя предстоятелю церкви; потомъ читали предъ церковію имена принесшихъ и ихъ же ради принесошася; кратко, они приготавливали все въ проскомидіи. 2) Они возбуждали народъ къ молитвѣ, провозглашали въ слухъ о чемъ слѣдовало молиться и читали Священное Писаніе. Въ семъ отношеніи св. Златоустъ называетъ ихъ *κῆρυκες*, герольдами церкви, представляющими лице тѣхъ Богодухновенныхъ мужей, какіе бывали въ собраніяхъ мужей апостольскихъ, когда Духъ святой сходилъ на вѣрующихъ и *ходатайствовалъ* въ нихъ *воздыханіями не излаголанными.* 3) Діаконы должны были смотрѣть за порядкомъ церкви, удерживать отъ шума, хранить церковные входы, воспрещать безвременные исходы и проч. и распоряжались въ народѣ всѣмъ, что по порядку должно дѣлать, когда на примѣръ и какъ приступить къ принятію св. таинъ или епископскаго благословенія, давать святое лобзаніе и проч. По сей обязанности они называются въ постановленіяхъ соборныхъ *кормчими*, а у Тертуліана *воздьями народа,*

у св. Игнатія *заповѣдію Божією*, въ такомъ т. е. смыслѣ, что ихъ приказанія должно считать за священныя. 4) Діаконы прислуживали священникамъ при совершеніи евхаристіи, раздавали оную народу и относили къ отсутствующимъ больнымъ и узникамъ; о семъ свидѣлствуетъ св. Пустынь. Писатель Апостольскихъ Заповѣдей какъ бы изъясняетъ сіе участіе діаконовъ со священниками въ раздаяніи св. евхаристіи. Онъ говоритъ, что священникъ подаетъ отъ св. тѣла, а діаконъ отъ чаши. При всегдашнемъ множествѣ причастниковъ пособіе было необходимо; но послѣ Карфагенскій Соборъ допускаетъ быть сему только въ крайней нуждѣ; наконецъ вскорѣ и вовсе обычай сей уничтоженъ, по причинѣ открывшихся злоупотребленій. 5) Въ Богослуженіи діаконы удерживали и первоначальную свою обязанность. Они въ завѣдываніи своимъ имѣли, подъ главнымъ распоряженіемъ епископа, хозяйство церковное (отъ чего ризничная палата называется и до нынѣ *діаконникомъ*), также и прочее имущество, равно какъ и въ попеченіи о бѣдныхъ были исполнителями распоряженій епископскихъ. 6) Діаконы были прислужниками при епископахъ въ домахъ, наипаче въ путешествіяхъ, и употреблялись особенно для посылокъ съ какими нибудь какоючесткими порученіями къ предстоятелямъ другихъ церквей. Таковы были спутники Апостола Павла. Св. Игнатій пишетъ къ Смирнянамъ чрезъ Бурра, благодарить ихъ за сего діакона, котораго Смиряне, какъ пишетъ Игнатій, послали съ нимъ и котораго онъ, по услугамъ, называетъ примѣромъ для діаконовъ. Въ посланіи къ Филадельфіянамъ, говоря о немъ же, Бурръ, упоминаетъ, что отъ Ефесіанъ и Смирянъ онъ данъ ему для

почести. Впрочемъ къ именамъ сихъ служителей обыкновенно прибавляется въ писаніяхъ отцевъ, что они суть *соратники* или *сослужители*, для означенія т. е. въ какомъ духѣ исполнялась и принималась ихъ услуга.

Примѣч. Такой образъ сообщенія между церквами т. е. посредствомъ діаконовъ даетъ удостовѣреніе, съ какою точностію приходило въ извѣстность все, что касалось общаго блага церкви.

Объ архидіаконѣ, протодіаконѣ и иподіаконѣ.

Званіе *архидіакона* было уже на первомученикѣ Стефанѣ въ томъ, позамѣчанію Августина, смыслъ, что онъ былъ изъ седми діаконовъ первымъ. Можетъ быть первоначально сіе было отличіемъ діакона собственно нынѣ такъ называемаго или священно-діакона, отличнаго отъ священно-служителей нисшихъ; но въ IV вѣкѣ и даже въ концѣ III оно стало быть отличіемъ и предъ священно-діаконами. Преимущество состояло въ томъ, что архидіаконъ былъ при іерархѣ, а діаконъ при пресвитерѣ. Его обязанность: а) распоряжать діаконами и всѣмъ причтомъ, б) прислуживать въ священнодѣйствіяхъ при епископѣ в) быть высшимъ отъ него распорядителемъ по предмету попеченія о бѣдныхъ и церковномъ имуществѣ. По сей послѣдней обязанности архидіаконъ называется *стражемъ казны*.

Сначала XVII вѣка въ старинныхъ нашихъ церковныхъ уставахъ вмѣсто имени архидіакона употребляется начало имя *протодіакона*, вѣроятно, по сближенію съ

названіемъ протоіерей, а при учрежденіи штатовъ 1764 г. помѣщено въ оныхъ только званіе протодіакона. Почему архиіаконое званіе съ того времени вездѣ въ Россійской церкви прекратилось. Различіе между сими двумя званіями полагалось въ томъ, что архиіаконовъ долженъ быть изъ монашескаго чина, а протоіаконовъ изъ бѣлаго духовенства.

Иподіаконы — прислужникъ назывался иначе слугою, *οπρῆτης*. Въ первый разъ и многократно упоминаетъ о семъ чинѣ св. Кипріанъ т. е. въ половинѣ III вѣка. Соборъ Никейскій иподіаконамъ ставитъ должностию прислуживать епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ. Вообще соборныя правила не дозволяютъ имъ ничего священнодѣйствовать и даже прикасаться къ священнымъ вещамъ.

Соображая сіе понятіе, какое видно у древнихъ, съ настоящимъ состояніемъ сего чина, можно заключить, что оный, для отличія отъ прислуги простыхъ причетниковъ, находящихся и при пресвитерахъ, сдѣлался принадлежностію къ лицу первосвященника, съ тѣмъ, чтобы иподіаконы могли входить за іерархомъ и въ святой алтарь царскими дверьми, между тѣмъ были бы ниже діаконовъ, которыхъ должность состоитъ собственно помогать въ священнодѣйствіи.

О причетникахъ.

Правила Апостольскія, кромѣ діакона, въ третьей степени упоминаютъ о *чтецѣ* и *пѣвцѣ*. Письмо къ Антіохіянамъ, приписываемое св. Игнатію упоминаетъ о чтецѣ, пѣвцѣ, *придверникѣ*, *труздающемся*, *заклинатель*

и исповдникъ. Сверхъ сихъ чиновъ у другихъ писателей встрѣчается еще чинъ *аколутовъ*. Въ отечественной церкви съ древности причетъ составляютъ: *дьячокъ и пономарь*. Хотя званій въ причтѣ много, но по изясненію Зонара, и въ сей степени съ нѣкоторыми званіями опредѣленно доразумѣвать должно посвященіе, а съ нѣкоторыми только должность, не чинъ. Такъ напр. аколутами, по словопроизводству, спутниками, были вмѣстѣ инодіаконы и діаконы. Какъ два раздѣльные чина представляются въ древности званія чтеца и пѣвца. Различіе сіе видно въ Апостольскихъ правилахъ и наставленіяхъ и въ 23 правилѣ Лаодикійскаго Сосора. Во время Императора Юстиніана въ Константинопольской церкви было пѣвцовъ 25 и чтецовъ 120.

О пѣвцѣ, дьячкѣ и пономарѣ.

По лѣтописямъ, въ коихъ упоминается о званіи *пѣвца*, начало сего чина относятъ изслѣдователи не далѣе половины третьяго вѣка. Правда пѣніе въ Богослуженіи христіанскомъ составляло всегда значительную часть, какъ упоминаетъ о семъ св. Апостоль Павелъ и евангельская исторія; но изъ сихъ самыхъ указаній видно, что тогда всѣ, по крайней мѣрѣ, большая часть совокунио пѣли. Обычай сей велся до Ладикійскаго Собора, на комъ, въ предотвращеніе безпорядка, запрещено пѣть всѣмъ безъ разбора, а поставлены опредѣленные пѣвцы. Впрочемъ число ихъ, по сравненію съ числомъ чтецовъ, какъ было въ древней Константинопольской церкви, даетъ поводъ къ заключенію, что древніе пѣвцы были тоже, что

нынѣ въ монастыряхъ *канонархи*, такъ какъ дѣйствительно у Сократа упоминается о семь чинѣхъ подъ названіемъ подскащиковъ, *επιτολεις*; они были какъ бы *установщиками*. Въ послѣдствіи времени, подъ именемъ пѣвцовъ составились *лики* по тому подобію, какъ въ цвѣтушія времена при Давидѣ и Соломонѣ. Ветхозавѣтная церковь имѣла множество *въдущихъ восклицаніе*. Древнее имя чтеца у насъ замѣнилось именемъ *дьяка*, каковое слово, по замѣчанію нѣкоторыхъ, сокращено изъ имени діакона, съ перемѣною въ такое окончаніе, въ которомъ доразумѣвается понятіе о чтеніи. Котелерій говоритъ, что прежде Тертуліана никто не упоминаетъ о чтецахъ, какъ о особенномъ чинѣ; но въ описаніи воскреснаго Богослуженія у св. Іустина упоминается о читающемъ, *δὲ ἀναγινώσκων*. Не говорится прямо, кто читалъ, но можно только предполагать, что исполнялъ сіе діаконъ; но какъ у того же Іустина видно, что діаконъ участвовалъ съ предстоятелемъ въ церкви въ священнодѣйствіи, а чтеніе составляло наибольшую часть Богослуженія, то очевидно, что долженъ былъ существовать съ самаго начала опредѣленный чинъ чтеца. Должность сія почиталась весьма важною, такъ что св. Златоустъ и другіе великіе мужи проходили ее. Впрочемъ она въ третей степени первоначальная, какъ говорится въ хиротоніи и показывается въ самой инвеститурѣ, состоящей въ малыхъ рызцахъ, а не въ стихарѣ. Званіе *парамонаря* появилось, по замѣчанію Вальсамона, въ правилахъ собора Халкидонскаго. Слово происходитъ отъ *παρά* и *μονή*, и значитъ въ переводѣ, какъ заключаетъ изъ древнихъ кодексовъ Беверегій, или придверника

церковнаго, или прислужника въ обители, какъ бы пріобительника. Последнее значеніе ближе и къ составу словъ и къ связи рѣчи, въ которой слово сіе встрѣчается: оно въ правилѣ собора стоитъ на ряду съ званіемъ эконома, а въ Новеллахъ Іустиніана въ ряду со страннопріемниками, сиропитателями, нищенпитателями, больничными прислужниками, вообще между исполнителями дѣлъ милосердія. Настоящая должность парамонаря, состоя въ охраненіи церкви, находящихся въ оной въ употребленіи вещей, въ приготовленіи нужнаго къ священнодѣйствіямъ, не соединяется вмѣстѣ съ прислугою во св. алтарѣ; поему очинъ сей сопряженъ съ посвященіемъ, положеннымъ для *священосца*, а собственная парамонаря обязанность по его званію лежитъ нынѣ на церковномъ старостѣ.

Прочія званія церковнослужителя не составляли никогда особеннаго священнаго очина, а были безъ посвященія, или соединялись съ какимъ нибудь другимъ священнымъ саномъ. На прим. упоминается въ древностяхъ о *труздающихся*, каковое слово и до нынѣ осталось въ ектеніи; это копатели могиль, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, или стражи. Упоминается объ экзоркитахъ. Если разумѣть ихъ заклинателями воглашенныхъ, то они суть катихизаторы, ибо собственно такъ называемыя заклинанія при крещеніи производилъ самъ священникъ. Они, вѣроятно, ходили въ больницахъ за страждущими отъ духовъ нечистыхъ и, по трудности служенія, получили особенное званіе.

О *діакониссахъ*.

Были и служительницы церкви изъ женскаго пола, подъ именемъ *діакониссъ*. Апостоль Павелъ упоминаеть о

Онѣ, діакониссы церкви въ Кесаріи. Съ парочитою подробностію говоритъ онѣ о семъ же званіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упоминаетъ о *вдовицахъ* и *старицахъ*. У св. Игнатія видно, что именемъ вдовицы назывались и дѣвы. «Привѣтствую, пишетъ онѣ къ Смирвянамъ, и дѣвъ называемыхъ вдовицами». Надобно только, по правилу Апостола, чтобы онѣ были старицы и испитанныя въ дѣлахъ служенія домашняго и христіанскаго. Чинъ сей со званіемъ образовался, безъ сомнѣнія, въ подражаніе тому, какъ при Спасителѣ были нѣкоторые изъ женъ, кои по свидѣтельству евангельской исторіи, *служажу Ему отъ импній своихъ*, или въ подражаніе тѣмъ святымъ женамъ, какова напр. была Анна дочь Фануилева.

Діакониссы имѣли и посвященіе, какъ видно изъ установленій Апостольскихъ и изъ 19 правила Никейскаго собора. XV правило Халкидонскаго и XIV Трулліанскаго соборовъ, называютъ оное рукоположеніемъ. Вальсамонъ говоритъ, что діакониссы прежде имѣли степень и во святилищѣ, но были отчуждены онаго по женскимъ немощамъ. Въ его время онѣ хотя и *проручествовалися*, впрочемъ причащались не въ алтарѣ, имѣли однакожъ во многомъ участіе, управляя церковнымъ соборомъ женскимъ.

Діакониссы служили церкви исполненіемъ потребностей ея:

1) Когда крестили женъ, что было уже въ полномъ ихъ возрастѣ, то не только при обнаженіи тѣла, но и при помазаніи онаго, кромѣ чела, по прочимъ частямъ надобны были руки діакониссы, какъ пишутъ Епифаній и установленія Апостольскія,

2) Во время молитвы во храмѣ, они были при дверяхъ женскихъ и, конечно наблюдали за своимъ поломъ благочиіе, также какъ діаконы въ своемъ мѣстѣ.

3) Подобно діаконамъ, діакониссы должностію имѣли посѣщать больныхъ женщинъ и прислуживать имъ, равно какъ пещись и о здоровыхъ бѣдныхъ изъ своего пола.

4) Примѣчаютъ изыскатели древностей, что діакониссы прислуживали и мужчинамъ въ темницахъ и на одрахъ болѣзни, по способности своей къ призрѣнію сего рода.

5) Случай, что св. Апостоль Павелъ посланіе къ Римлянамъ отправилъ съ діакониссою, даетъ замѣтить, что діакониссы, подобно діаконамъ, были употребляемы въ сношеніяхъ церковныхъ, и, можетъ быть, съ большею удобностію сохранить тайну порученій отъ невѣрныхъ въ рукахъ, коимъ, кромѣ домашнихъ дѣлъ, ничего не ввѣрялось, но кои въ дѣлахъ вѣры оказались, по исторіи Спасителя, способнѣйшими прежде мужей.

Чинъ діакониссъ былъ еще въ концѣ XII вѣка, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ церквахъ, какова Константинопольская. Онъ становился не нужнымъ по переменѣ вышесказанныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ женскаго служенія. Крещеніе совершался начало непременно надъ младенцами, пародное благочиніе въ церкви перешло частію въ присмотръ гражданскій. Необходимое служеніе діакониссъ раздробилось на части. Въ общественныхъ церквахъ часть онаго имѣютъ священническія жены и дщери, кои, по наставленію св. Златоуста, должны быть предводительницами въ христіанской жизни для своего пола. Часть принадлежитъ и просвириямъ. Наиболѣе всего званіе сіе, по сущности своей, перешло въ общества монастырскія,

О чинѣ монашескомъ женскомъ.

По нравственнымъ понятіямъ, какова должна быть, диаконисса, званіе сіе замѣнилось чиномъ *монахинь*; а по части служебной или правительственной оно осталось въ санѣ *Игуменій*.

Сей послѣдній чинъ носить и рукоположеніе; простые инокини получаютъ только благословеніе въ принятіи образа инокескаго. Обрядъ былъ уже во времена Тертуліана. У сего писателя есть цѣлое сочиненіе о *покровеніи двѣхъ*. Безъ сомнѣнія, со времени учрежденія сего званія должна быть и власть надъ онымъ; званіе *настоятельница* монастырскихъ опредѣленно видно съ IV вѣка. У Палладія онѣ называются *аммами* или матушками, въ соотвѣтствіе слову *авва*, и на соборѣ Трульскомъ и VII Вселенскомъ *игуменіями*, въ соотвѣтствіе съ чиномъ мужескихъ монастырей.

О чинѣ монашескомъ мужескомъ.

Въ таковой же отдѣльности отъ священнослужительства былъ прежде инокескій чинъ и другаго пола. Ревнители евангельской самоотверженной жизни, безъ сомнѣнія, были съ самаго начала открытія оной; но образованіе обществъ по собственному понятію о монастырѣ отнести надобно къ III вѣку. Въ IV вѣкѣ выходили изъ сего сословія уже вселенскіе свѣтильники церкви. Первоначально званіе монашеское не было въ собственномъ смыслѣ чиномъ духовнымъ. Это былъ особенный классъ народа, состоящій изъ посвятившихъ себя непрерывному упражненію въ благочестіи. Иноки не занимали мѣста во святыхъ мѣстахъ;

ихъ мѣсто при Богослуженіи было на возвышеніи, какое находится предъ иконостасомъ, извѣстное подъ именемъ солеи. По сему древніе писатели и называютъ сіе званіе среднимъ между духовенствомъ и народомъ. Извѣстно, что въ обителяхъ св. Пахомія, Пимена великаго и другихъ не было даже ни одного пресвитера, приглашали пресвитеровъ изъ сель. Сами *игумены* были безъ священства. Глубокое чувство сѣтованія, сохраненіе въ обществѣ единообразія между всеми, удерживало ихъ въ одномъ тольобразѣ иночества. Но убѣжденія нужды въ полнотѣ Богослуженія для самыхъ уединенниковъ, убѣжденія приходящихъ къ нимъ для совершенія полныхъ церковныхъ молитвъ предъ особенными святынями, кои оставались отъ прежнихъ временъ въ обителяхъ, убѣжденія общественной церкви, приглашавшей къ себѣ иноковъ по различнымъ обстоятельствамъ, издавна уже, сдѣлавъ сословіе монашеское священнослужебнымъ, показали, что въ судьбахъ промысла постановлено и отчуждившимся отъ міра жить для пользы и братства оставшагося въ мірѣ.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВТОРАГО ОТКРОВЕНІЯ.

Если бы рационализм начался вѣсть съ родомъ человѣческимъ, то вѣроятно истина не свѣла бы ни одного дня на землѣ. — Это божественное растѣіе было бы уничтожено въ своемъ зародышѣ, и идолопоклонство со всеми своими беззачиніями помрачило бы самую зарю творенія. Но долгое время родъ человѣческій не зналъ другого ученія, кромѣ ученія преданія, слѣдуя которому, пребывалъ въ простотѣ вѣры и послушаніи единому Богу, творцу и издодвадателю. Позднѣе, когда люди, по словамъ Діодора Сицилійскаго, перестали слѣдовать ученію отцовъ и *погрузились въ самихъ себя*, въ изысканія и предположенія, тогда первобытные догматы, низшедшіе отъ Бога, поколебались, густой чадъ сомнѣнія и чувственности помрачилъ умы и, такимъ образомъ, составились все предразсудки, все утопіи, все сумазбродства идолопоклонства и ложной философіи. Истина мало по малу потемнялась, искажалась и терялась; возникло заблужденіе, вошло у всехъ въ довѣренность, укоренилось повсюду. Борьба съ нимъ, впрочемъ, продолжалась долгое время: мудрецы, во-

оруженные преданіемъ, отражали заблужденія, какъ *ново-введенія*, подобно какъ христіанская церковь поражаетъ ереси, но они немогли выполнять это съ такою же твердостью и постоянствомъ, какъ церковь; потому что истина и преданія не были соблюдаемы, какъ въ церкви христіанской, властію не только охраняющею но и уясняющею ихъ своимъ единокорнымъ, вселенскимъ, неизмѣннымъ во все времена, какъ сама истина, голосомъ, раздающимся въ устахъ пастырей, непрерывно и преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ. Истина, сохраняясь единственно въ памяти народной и въ свидѣтельствахъ неопредѣленныхъ и испорченныхъ рода человеческого, лишѣнная охранительнаго надзора, была раздроблена, не имѣла единства и должнаго авторитета. Сперва она легко могла быть утверждена древностію своего происхожденія; но мало по малу и заблужденія дѣлались въ свою очередь древними и оспаривали истину на шаткомъ и неопредѣленномъ полѣ преданія. Выдуманна за тѣмъ, какъ мы то видѣли, древность поддѣльная, когда очень явно недоставало настоящей и наконецъ, заблужденіе, не находя предъ собою бодрствующаго обличителя, разоблачающаго всегда и вездѣ его несправедливыя притязанія, оно успѣло такъ хорошо преслѣдовать свою соперницу — истину и вооружить противъ нее все, что, когда она потомъ позже хотѣла опять появиться, то осуждена была какъ нововведеніе и Сократъ, исповѣдующій единство всевысочайшаго Существа, былъ приговоренъ на смерть, за желаніе *ввести новыхъ боговъ*. Тогда истина укрылась подъ мантію нѣкоторыхъ мудрецовъ, которые ее поддерживали уже перѣшительно, проблематически и подавляли истину неправдою, какъ позднѣе

обличалъ ихъ святой Павелъ. Они то принимали ее, то оставляли, примѣшивая къ ней свои собственныя мечтанія, и болѣе всего измѣняя ей своими дѣйствіями, увлеченные всеобщимъ развратомъ. Когда же, послѣ нихъ, появились тучи софистовъ, размножившихся въ Афинахъ и въ Римѣ и, жившихъ искусствомъ все доказывать, тогда иныя объяла мѣръ, умъ человѣческой и стала играть у истиною какъ отверженною женщиною и званіе философа сдѣлалось именемъ пражношатающаго и фигляра. Испорченность, такъ сказать, тошла объ руку съ притязаніями философскими; тамъ гдѣ изобиловали софисты — изобиловали также суевѣріе и развратъ, ибо ни что такъ не освобождаетъ сердца изъ подъ ига обязанностей, какъ сомнѣніе и туманъ, болѣе всего происходящаго отъ злоупотребленія его независимостію.

При томъ же древняя философія, кромѣ своей неопредѣленности, отсутствія единства и непрестаннаго измѣненія системъ, одна другую взаимно уничтожающихъ, еще имѣла величайшій порокъ въ чрезвычайной отвлеченности и недоступности ея для большинства людей.

Естественная религія, самымъ правильнымъ образомъ понятая, какъ то уже замѣчено нами, имѣла неудобство быть совершенно недоступною умамъ, погруженнымъ въ заботы жизни настоящей и сбившимся съ пути первобытной ихъ простоты. Для того чтобы истины сверхъ-чувственныя и сверхъ-естественныя низошли въ общество, чтобы они въ немъ обращались, пребывали и чтобы они соединялись, безъ собственного поврежденія, съ самою жизнію, которую они должны направлять, необходимо, чтобы они исходили совершенно готовыми, облеченными такъ сказать

въ тѣло, въ чувственные попятные символы, запечатлѣнные авторитетомъ высшей власти, всеми признанной, и однимъ словомъ, возведенными на степень догмата. Умы привыкшіе къ философскимъ упражненіямъ, то такъ сказать, сжившіеся съ отвлеченіемъ, имѣютъ также необходимость въ составленіи формулъ-изложеній вѣрованія и образа дѣйствія, чтобы посредствомъ ихъ удерживать свой умъ отъ безпрестанныхъ измѣненій и вимѣтъ въ нихъ, и въ случаѣ внезапныхъ опасностей, къ которымъ располагаетъ слабость нашей природы, ооружіе совершенно готовое для сопротивленія имъ. Ежели бы древняя философія была сначала согласна сама съ собою, то могла бы въ послѣдствіи, соединясь съ съ общественною религіею, сообщить ей свой духъ и свои силы и, такимъ образомъ, управлять обществомъ; но на самомъ дѣлѣ философія и религія у древнихъ совершенно противорѣчили одна другой и перепѣли другъ друга. Философія вела тайную войну съ религіею, смѣясь надъ нею; религія посылала цыгу (ядъ) къ философіи и обвиняла ее въ отверженіи боговъ. Философія очень часто унижалась и лишала сама себя довѣрія, служа публично самымъ грубымъ заблужденіямъ, которые она обязана была искоренять; и слѣдовательно вмѣсто того, чтобы связать религію съ нравственностію, возвыся ее до себя, она скрѣпила союзъ религіи съ самыми ужасными пороками, сама исходя до нихъ. Слѣдствіемъ таковыхъ противурѣчій и двойственности свойственной природѣ вещей, было то, что ни философія, ни религія не могли поддержать общества, а напротивъ того только вели споры, служившіе къ его разрушенію: философія — за неизмѣненъ цѣли, религія — по недостатку началъ; и такимъ образомъ, истощая одна дру-

гую чрезъ взаимную отдѣльность и разобщеніе, одна необходимо приведена была—къ атеизму, другая—къ суевѣрію,—обѣ вмѣстѣ къ самой необузданной чувственности, ибо атеизмъ ослаблялъ узду, сдерживающую страсти,—суевѣріе ихъ поощряло. Такимъ образомъ—родъ человѣческой, какбы устремленный по наклонной плоскости ко злу, видѣлъ возрастающую скорость своего паденія, несмотря на всю силу средствъ, назначенныхъ къ удержанію его и возстановленію.

Какую ужасную картину испорченности и разстройства безпрестанно возрастающаго, представляетъ намъ міръ языческой, и особенно во времена римской имперіи!

Между тѣмъ какъ нѣкоторые созерцательные умы, подобно Цицерону и Сенека, съ чувствомъ внутренняго достоинства и философскою рѣшимостію возвышались до мысли—о бытіи единаго духовнаго верховнаго Существа; для народа, для общества, для міра, Богъ источникъ всякаго порядка, всякой общительности, былъ дѣйствительно таковымъ, каковымъ Его именovali въ надписи на фронтопѣ афинскаго храма—*невѣдомыя*. А то, что царствовало, что поражало взоры всѣхъ, что наполняло у всѣхъ воображеніе и составляло постоянное основаніе жизни отъ колыбели до могилы, было не что иное, какъ идолослуженіе, обоготвореніе человѣческихъ страстей, а иногда также и скотскаго инстинкта. Мифологическія басни, цвѣты коихъ и теперь служатъ только для забавы нашего поэтическаго досуга, считались тогда несомнѣнными дѣйствительностями, заставлявшими себѣ поклоняться въ тысячѣ храмовъ: вліяніе ихъ дышало повсюду и дѣлало за-

конными, всё развратныя склонности, чловѣческаго сердца.

Одно было хорошо извѣстно, и это одно было величайшее зло, а именно, что такое поклоненіе замѣнило поклоненіе нравственное и законъ естественный и, такимъ образомъ затмило свѣтъ совѣсти и голосъ нравственныхъ чувствъ. Въ такую религію не входили, какъ необходимые элементы служенія божественнаго, ни истинныя познаніе о природѣ Божіей, ни повиновеніе закону нравственному, ни чистота сердца, ни святость жизни, ни раскаяніе о прежнихъ преступленіяхъ, ни исправленіе своего поведенія въ будущемъ. Языческій жрецъ безмолствовалъ. «Въ язычествѣ не говорили ни о чемъ, могущемъ служить къ образованію нравовъ и къ руководству жизни, сказала Лактанцій; тамъ не искали истины, занимались только обрядами богослуженія, въ которыхъ душа неимѣла никакого участія и, которые относились только къ тѣлу». Такимъ образомъ, языческая религія, не давала у себя мѣста добродѣтели, и даже неимѣла никакой связи съ чѣмъ либо добродѣтельнымъ, и—это одно, замѣтимъ мы, влекло за собою величайшую испорченность нравовъ, оставляя сердце совершенно открытымъ для увлеченій страстей и совѣсть для разрушительнаго ихъ буйства.

Но эта религія дѣлала еще больше: она поощряла и усиливала порывы страстей, примѣшивая въ ихъ интересъ, сочувствіе самого божества, долженствоващаго бы ихъ обуздывать. Гордость и сладострастіе были всегда покровительствуемы и превозносимы похвалами подъ всѣми ихъ ужасными и унижительными формами; толпа божествъ была

вымышлена съ самыми гнусными характерами; имъ приписываемы были самыя ужасныя низости и преступленія: это были живые олицетворенія пьянства, кровосмѣшенія, похищенія, прелюбодѣянія, сладострастія, лукавства, жестокости, бѣшенства. Каждая страсть дѣйствовала по ихъ примѣру въ сердцахъ людей; кто только хотѣлъ сдѣлать, что нибудь худое старался поощрить себя воспоминаніемъ о томъ, что въ подобномъ случаѣ сдѣлалъ одинъ изъ боговъ; совершенныя преступленія извинялись подобнымъ же образомъ или были складываемы на божество, побуждавшее къ тому съ непреодолимою силою. Прибавьте къ этому дѣйствіе безнравственныхъ мифологическихъ сценъ, написанныхъ *al fresco* на стѣнахъ и потолкахъ ихъ жилищъ, какъ недавно открыто то въ Геркуланиѣ, такъ что юноши и дѣвы, выросшіе при безпрестанномъ зрѣніи этихъ картинъ, съ самаго нѣжнаго возраста свыклись съ низостями, ими представляемыми: «Юпитерь соблазнилъ женщину, превратясь въ золотой дождь, заставилъ сказать Теренцій одного изъ своихъ лицъ, а я бѣдный смертный, я все таки того не сдѣлаю!»—Овидій, коего авторитетъ въ этомъ случаѣ особенно замѣчателенъ, по словамъ Шатобріана, не хотѣлъ, чтобы молодыя дѣвы ходили въ храмы, потому, что они тамъ увидятъ, сколько Юпитерь сдѣлалъ матерей. Воры, убійцы и проч. имѣли также своихъ покровителей на небесахъ. «Прекрасная Лаверна! даруй мнѣ искусство обманывать—и пусть меня почитаютъ справедливымъ и святымъ *». Что наконецъ сильнѣе сказаннаго Сенекою: «они шепчутъ въ уши боговъ своихъ самыя мерзкія просьбы, но если кто подходитъ ихъ послушать,—они умолка-

* Гораций Ер. XVI, lib. 1.

ютъ. То, что услыша, могъ бы краснѣть человекъ, — они не краснѣя говорятъ божеству». Богослуженіе необходимо имѣло соотношеніе съ характеромъ боговъ: оно заключалось въ самыхъ низкихъ и отвратительныхъ обрядахъ — блудъ и пьянство составляли часть поклоненія Венерѣ и Бахусу; таинства Адониса, Циббелы, Пріапа, Флоры, Афродиты были представляемы въ храмахъ и играхъ, посвященныхъ этимъ божествамъ; при солнечномъ свѣтѣ зримо было то, что вообще скрываютъ въ глубочайшемъ мракѣ и то, что достоинство человѣческаго слова запрещаетъ мнѣ именовать. Женщины публично предавались разврату въ Венериномъ храмѣ Вавилона; самыя знаменитыя фамиліи въ Арменіи посвящали этой богинѣ своихъ дѣвственныхъ еще дочерей; женщины Библиса, не соглашавшіяся остричь своихъ волосъ въ день траура Адониса, были принуждаемы для искупленія такового печестія, предаваться на цѣлый день совершенно чуждымъ имъ людямъ. Страбонъ рассказываетъ, «что храмъ Венеры, въ Коринѣ, былъ чрезвычайно богатъ, что въ обладаніи его находилось болѣе тысячи публичныхъ дѣвъ, невольницъ или жрицъ, — даръ богинѣ отъ лицъ обоего пола. Вотъ что, говоритъ онъ, привлекаетъ столько народу въ Коринѣ, и что его такъ обольщаетъ». Тоже самое было на островѣ Кипрѣ и въ Сициліи на горѣ Ериксѣ. Часто въ менѣ людныхъ мѣстахъ храмовъ совершались преступленія противуестественныя, которые уже были открыты и запрещены при христіанскихъ императорахъ; иногда даже подобныя мерзости, безъ всякаго стыда, были выставляемы на показъ. Всему этому не слѣдуетъ удивляться. Оно должно было быть такъ; это логическое послѣдствіе по-

тери божественныхъ истинъ. Когда первая изъ нихъ — познаніе и поклоненіе единому, невещественному и всесвятому Богу была забыта, — человѣкъ привыкъ почитать божественнымъ все могущественное; и какъ онъ чувствовалъ себя увлекаемымъ къ порочнымъ дѣйствіямъ невидимою силою, то не трудно было ему подумать, что эта сила вѣ его, — и онъ призналъ ее за божество. Вотъ почему распутной любви было воздвигнуто столько оларей и всѣ ужасы безчинства, были смѣшаны съ богослуженіемъ, наконецъ сдѣлались исключительною его принадлежностію. Каждый въ порывѣ господствующей своей страсти, создавалъ изъ нее Бога, какъ сказалъ поэтъ: *sua cuique deus fit dira cupido**.

Каковы должны были быть нравы, подѣ вліаніемъ такового чувственного и безнравственного служенія Богу! А оно проникало всюду въ жизнь общественную и частную, потому что вездѣ оно было въ согласіи съ страстями, отворявшими ему повсюду доступъ, и для утвержденія и распространенія его взаимно простирали руки небо и земля, люди и боги.

Наслажденія чувственностію и всѣ роды варварствъ, ихъ сопровождающіе преисполнили всякую мѣру: было что то обширное и чудовищное въ омраченіи ума и развращеніи сердца, о чемъ ничто не можетъ дать намъ понятія. Вся эта сила ума и воли, которая, подѣ вліаніемъ духовнаго христіанскаго начала, пробудилась въ позднѣйшія времена въ столькихъ доблестныхъ подвигахъ, въ столькихъ учрежденіяхъ нравственныхъ и религіозныхъ, въ столькихъ ученыхъ открытіяхъ, въ столькихъ трудахъ промышленности, погруженная тогда въ чувственность,

* Virg. Aeneid. lib. IX.

служила только для ея упоенія. Чувственныя потребности человѣка разширились, наравнѣ съ потребностями; потому что вся душа погрузилась въ чувственность. Отсюда происходят эти чудовищныя прихоти вкуса, колоссальныя размѣры праздниковъ и удовольствій древнихъ по сравненію съ нашими; такъ что ежели разсматривать ихъ съ этой чувственной стороны, то они представляются намъ племенемъ гигантовъ, исчезнувшимъ на землѣ; и напротивъ того кажутся пигмеями, когда мы ихъ измѣряемъ относительно могущества идей, и той метафизической и нравственной высоты, которой мы достигли, и вслѣдствіе которой дитя, нашего времени, можетъ быть законоучителемъ всѣхъ философовъ древности.

Болѣе двухъ третей жителей самыхъ образованныхъ государствъ были невольниками и единственно употреблялись на служеніе чувственности остальной трети. Это одно уже даетъ ужасное понятіе о презрѣніи человѣка къ себѣ подобнымъ, о силѣ эгоизма и о великости испорченности, долженствовавшей произойти изъ того. Равнымъ образомъ, что за неслыханныя жестокости совершались при солнечномъ свѣтѣ, какъ вполнѣ сообразныя съ обычаями, нравами, законами общества.

Господа имѣли неограниченную власть надъ своими невольниками и могли ихъ, по своему произволу, осыпать побоями или предавать смерти; постановленіемъ императора Клавдія запрещалось мучить невольника, единственно по его старости и слабости. Былъ также обычай избавляться отъ больныхъ рабовъ, бросая этихъ несчастныхъ на одинъ изъ острововъ Тибра, и тотъ же самый указъ Клавдія предоставлялъ имъ свободу, въ случаѣ

ихъ выздоровленіи. Это ужасное согласіе законовъ съ безчеловѣчїемъ правовъ. даютъ (нѣкоторымъ образомъ) возможность измѣрять всю испорченность того времени. Одинъ изъ законовъ императора Константина (относящагося къ 312 г.), признаваемый всѣми историками за признакъ проявленія въ законовѣдѣніи духа христіанскаго, ограничиваетъ злоупотребленія господъ относительно рабовъ, и тѣмъ самымъ даетъ намъ возможность заключить, каковы они были до тѣхъ поръ.

«Пусть всякій господинъ, говоритъ императоръ, пользуется своимъ правомъ съ воздержаніемъ, и должно подвергать осужденію, какъ человѣкоубійцу, того, кто самоправно убьетъ своего раба ударомъ палки или камня, нанесетъ копіемъ ему смертельную рану, повѣситъ его на веревкѣ, отравитъ, предастъ его тѣло на растерзаніе когтями животныхъ, изувѣчитъ его члены горячими углями, и проч. и проч....» Перо отказывается исчислять всѣ эти ужасы.

Тѣ, которые должны бы были просвѣщать и вразумлять свой вѣкъ относительно таковыхъ чрезмѣрныхъ злоупотребленій, смотрѣли на нихъ и совершали сами съ хладнокровнымъ простодушіемъ, заставляющимъ содрогаться. *Наши рабы намъ враги*, сказалъ Катонъ, — жестокое слово, служившее извиненіемъ всѣмъ отвратительнымъ ужасамъ, какія только домашнее тиранство могло придумать! Было постояннымъ обычаемъ, — и это считалось добродѣтелию, продавать по какой бы то не было цѣнѣ престарѣлыхъ рабовъ, какъ бесполезную тягость, а также позволять рабамъ имѣть сношенія съ невольницами, за известную плату. Ведій Полліонъ *, другъ Августа, содержалъ

* Vedius Pollion.

мурень, рыбъ огромной величины, которыхъ онъ откармливалъ своими невольниками. К. Фламиній, сенаторъ, единственно, чтобы доставить новое зрѣлище одному изъ своихъ знакомыхъ, не видѣвшему никогда насильственной смерти, велѣлъ убить своего раба. Если отецъ семейства былъ убитъ у себя дома и не открывался убійца, то всѣ его рабы были предаваемы смертной казни. Одинъ извѣстный римлянинъ, имѣвшій 400 рабовъ, былъ зарѣзанъ однимъ изъ нихъ, за что всѣ они были казнены. При погребеніи богатыхъ людей, часто бывало умерщвляемо извѣстное число невольниковъ, какъ пріятныя жертвы ихъ тѣнямъ. Наконецъ, ежели бы мы неимѣли другихъ доказательствъ жестокаго обращенія язычниковъ съ рабами, то довольно указать на одно то, что не смотря на здоровый и благорастворенный климатъ Италіи и Греціи, не только не увеличивалось число этихъ несчастныхъ, но едва могли они пополняться безчисленными жертвами, извлекаемыми изъ отдаленныхъ провинцій.

Но болѣе всего замѣчательно то, что все, чему съ трудомъ мы теперь вѣримъ, небыло почитаемо излишествомъ, даже злоупотребленіемъ; но на противъ исполненіемъ обыкновеннаго права. Все это происходило ежедневно предъ глазами, не возбуждая ни малѣйшаго порицанія ни даже самаго слабаго заступничества со стороны толпы писателей и софистовъ, проводившихъ всю свою жизнь въ разглагольствованіи о нравахъ; касательно же законодательства, оно первое бросило на рабовъ жестокое слово: *Non tam viles quam nulli sunt.*

Углубляясь въ источникъ этого чудовищнаго развращенія въ сношеніяхъ людей между собою, легко его от-

крыть въ извращеніи ихъ отношеній къ божеству: самое тѣсное соотношеніе существуетъ между догматомъ о единствѣ Божіемъ и о братской любви между собою всѣхъ людей. Изъ единства божества истекаетъ этотъ союзъ людей. Когда ученіе о единомъ Богѣ наполняетъ душу человѣческую, порождаетъ въ сердце живое ощущеніе Его отеческой благодати и любви къ намъ, и когда внушаетъ намъ не страхъ только, а болѣе всего любовь, — тогда родъ человѣческій, подъ вліяніемъ такихъ идей, содѣлывается единымъ семействомъ братьевъ, въ которомъ самые несчастные имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны. Отсюда объясняется почему высшее осуществленіе христіанства въ отношеніи къ Богу и людямъ, носитъ единое названіе любви, подобно рѣкѣ, удерживающей повсюду гдѣ бы она не протекала, названіе своего источника. Отсюда слѣдуетъ, что искаженіе ученія о единствѣ божества необходимо влечетъ за собою и паденіе догмата о любви къ ближнему. Когда одна идея силы соединяется съ понятіемъ о божествѣ, тогда теряется у человѣка сознаніе высочайшаго первообраза благодати и любви и эгоизмъ развивается до чрезвычайности, до готовности поглотить все. Такимъ образомъ мы увидѣли отвратительную рану рабства, увеличивающуюся и распространяющуюся помѣрѣ того, какъ политеизмъ появлялся и развивался самъ собою въ сердцахъ народа. Восходя ко временамъ древности и болѣе приближаясь къ господству естественной религіи, мы видимъ, напротивъ того рабство гораздо болѣе смягченное, ограниченное и почти незамѣтное. Уже у Гомера оно занимаетъ гораздо менѣ мѣста: плѣнъ, необходимое слѣдствіе битвъ, по рассказамъ его создалъ невольничество. Такимъ образомъ у него почти единственно употребляются слова: *пльнники и пльници;*

но самыя уже эти названія равно какъ и участь ими предполагаемая тотчасъ теряются въ названіи домоладцевъ.

Въ жилищахъ Алкиноя, Улисса, Лаэрта они являются слугами и товарищами, дружески раздѣляющими заботы и даже игры своихъ господъ, *преданные имъ*, по словамъ Гомера, *больше изъ привязанности, нежели по необходимости*. Пастухъ свиней Евмей, названъ въ Илиадѣ *благороднымъ пастыремъ*.

Наконецъ у Иудеевъ, которыми догматъ единства Божія содержимъ былъ въ продолженіе всей древности, никогда немогло укоренится рабство, оно невольно переродилось во временное домоладство, оканчивавшееся чрезъ каждые семь лѣтъ. *Когда объднѣетъ у тебя братъ твой, говорится въ книгѣ Левитъ, — и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. Онъ долженъ быть у тебя какъ наемникъ, какъ поселенецъ, до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя; а тогда пусть отойдетъ онъ отъ тебя, самъ и долги его съ нимъ, и возвратится въ племя свое, и вступитъ опять во владѣніе отцевъ своихъ. Потому что они Мои рабы, которыхъ Я вывелъ изъ земли египетской; недолжно продавать ихъ, какъ продаютъ рабовъ.* (Лев. 25, 39—42). Слова трогательныя, хорошо означающія отношеніе, существующее между догматомъ о единствѣ Божіемъ и ученіемъ о братствѣ между людьми. Это братство выражается общительностью, связью между собою людей, націй и всего человѣческаго рода. Напротивъ бездна многобожія постепенно увеличиваясь, стремилась поглотить міръ!

Обратимъ еще наши взоры на язычество и небудемъ бояться увидѣть всю глубину раны томившей человѣчество,

ежели хотимъ достойно оцѣнить исцѣлившее ее чудесное божественное врачество. Ужасный обычай, происходящій отъ причины нами уже вышеизложенной и служащій величайшимъ доказательствомъ обдуманной жестокости у народовъ политеизма, самыхъ образованныхъ, — это зрѣлище гладіаторовъ, класса людей, составленнаго изъ плѣнныхъ рабовъ, преступниковъ, осужденныхъ на казнь, которыхъ кормили для такового назначенія и заставляли являться тысячами въ огромныхъ амфитеатрахъ, гдѣ они осуждены были умерщвлять одинъ другого для забавы гражданъ всѣхъ сословій и пола. На такихъ кровавыхъ зрѣлищахъ истреблялось иногда, по исчисленію Липсія, до двадцати и тридцати тысячъ человѣкъ въ продолженіе одного мѣсяца. Весь Римъ, весь языческій міръ, бросался на эту бойню, тамъ небыло состраданія, даже инстинктивнаго: раскаленнымъ желѣзомъ и ударами бичей принуждали драться на смерть несчастныхъ, отступающихъ предъ мечемъ; народъ чувствовалъ удовольствіе при журчаніи крови, любовался зрѣлищемъ отвратительныхъ ранъ, предсмертнымъ храпѣніемъ; когда наконецъ раненый падалъ, не въ состояніи будучи продолжать битву, тысячи рукъ подымались, дѣлая знакъ, чтобы его убили, — и ежели онъ просилъ помилованія, то въ такомъ случаѣ юнымъ римскимъ женамъ предоставлялось удовольствіе отказать ему въ томъ, подавая однимъ жестомъ знакъ къ его смерти.

По показанію Сенеки, римскій народъ былъ столь жадеиъ къ зрѣлищамъ этихъ смертельныхъ битвъ, что гладіаторы, избѣжавшіе утромъ пасти и когтей звѣрей, долженствовали по полудни, вновь сражаться, безъ всякаго засчитительнаго оружія, для насыщенія зрителей множествомъ смертельныхъ ранъ и толпою умирающихъ, И

ко всѣмъ этимъ жестокостямъ убійства примѣшивалось утонченность наслажденія, избытокъ великолѣпія, позоръ страстей: оркестръ изъ тысячи инструментовъ соединялъ свой голосъ съ воплями амфитеатра, пурпуровыя, вышитыя золотомъ занавѣси колебались надъ главами зрителей, для защиты ихъ отъ солнечнаго жара; юныя и красивыя невольницы являлись для заглаживанія кроваваго праха послѣ каждаго убитаго; трубы искусно управляемыя, окрапливая зрителей розовою благовонною водою, освѣжали воздухъ и омывали землю окропленную кровію; мозаики, статуи, барельефы, украшенія изъ драгоценныхъ мраморовъ восхищали взоры зрителя; театральныя машины во время антрактовъ удивляли красотою своихъ дѣйствій, и наконецъ подъ нѣкоторыми аркадами амфитеатра, означенными безстыдными эмблемами, возлѣ окровавленной арены и кучи мертвыхъ тѣлъ, помѣщались прелестницы.

И пусть неприписываютъ такого ужаснаго препровожденія времени единственно двумъ, тремъ чудовищамъ каковы были Неронъ и Калигула, самые кроткіе владыки, наименованные *отрадою человеческого рода*, предавались тому съ равнымъ неистовствомъ, все общество требовало чтобы ему отворили эти боины таковою же жадностію, съ какою ихъ искали насущнаго хлѣба, необходимаго для ихъ существованія. Я ничего не преувеличиваю! — Историкъ Діонъ рассказываетъ, что Траянъ во время своего триумфа надъ Даками давалъ гладіаторскія зрѣлища въ продолженіи ста двадцати трехъ дней, на которыхъ взаимно растерзаны были десять тысячъ гладіаторовъ и одиннадцать тысячъ дикихъ звѣрей... И — обстоятельство леденящее сердце и поражающее умъ! — Плиній младшій въ панегирикѣ, написанномъ по упомянутому случаю Траяну,

несказалъ ни одного слова осужденія или состраданія по поводу этихъ гнусныхъ игръ, онъ даже не прибѣгнулъ ни къ какой ораторской предосторожности, которую самая низкая лестъ все таки умѣетъ отыскать, чтобы смягчить ужасный видъ этой крови: но что я говорю! — онъ извлекаетъ изъ нее новый предметъ для славы своего государя — восхваляетъ его правосудіе и человѣколюбіе, — и по какой причинѣ, великій Боже! потому, что изъ числа самыхъ зрителей не было притомъ еще новыхъ жертвъ новыхъ добычь арены. Мнѣ въ этомъ неповѣрять! вотъ его собственное свидѣтельство: — «послѣ таковыхъ попеченій о нуждахъ гражданъ и союзниковъ, ты непренебрегъ ихъ удовольствіями. Ты далъ зрѣлище, не такое, которое могло бы насъ ослабить и изиѣжить; но напротивъ того, могущее насъ воспламенить храбростію, сблизить съ благородными рабами и вдохновить насъ презрѣніемъ самой смерти. Ты показалъ намъ любовь славы и жажду побѣды, даже въ самыхъ душахъ разбойниковъ и рабовъ. Какого величія, какой справедливости не показалъ ты въ этомъ случаѣ! Всегда чуждый пристрастія, всегда владѣя надъ своими страстями, ты исполнилъ желаемое; ты даровалъ, чего не просили, ты даже предупредилъ эти желанія. Зрѣлище слѣдовало за зрѣлищемъ, и всегда въ то время, когда менѣе всего его ожидали. Никогда не было болѣе свободы въ рукоплесканіяхъ, никогда не было болѣе безопасности высказать свои наклоности? Не считалось ли преступленіемъ, какъ то было при другихъ императорахъ, отвращеніе къ гладіатору? Содѣялся ли кто нибудь изъ зрителей самъ предметомъ зрѣлища, былъ ли кто нибудь изъ нихъ столь несчастнымъ,

что долженствовалъ искупить такое удовольствіе жестокихъ мученіемъ». Въ какое униженіе должно было быть повергнуто человѣчество, чтобы такой императоръ какъ Траянъ былъ прославляемъ такимъ образомъ такимъ человѣкомъ, какъ Плиній!

Впрочемъ, съ стороны Траяна было нѣкоторое человѣколюбіе въ томъ, что было только умерщвлено десять тысячъ гладіаторовъ; и не безъ причины хвалитъ его Плиній за то, что онъ не велѣлъ бросать еще зрителей на арену, потому, что такъ поступали его предшественники. Калигула однажды, когда не доставало для дикихъ звѣрей гладіаторовъ, велѣлъ схватить перваго попавшагося зрителя, отрѣзать ему языкъ, чтобы заглушить его жалобы и бросить звѣрямъ, — забава чудовища, скажите вы; пусть такъ; но народъ римскій рукоплескалъ, но самый сенатъ поощрялъ его не краснѣя. Въ это самое время изданы были законы театральныя, по которымъ гладіаторы должны были сражаться не попарно, но массами, какъ на самыхъ сраженіяхъ. Кровь, говоритъ историкъ (Тацитъ) замѣнила потъ.

Эти жестокіе нравы казались столь естественными, что самые жертвы покорялись имъ съ какимъ-то безрасуднымъ самоотверженіемъ забывая о правахъ своихъ на жизнь: смерть разрѣшающая всѣ узы, какъ бы не имѣла силы надъ цѣпями ихъ рабства; ея вѣчный мракъ не представлялся имъ убѣжищемъ свободы, и головы, уже опредѣленные на жертву, они подло повергали во прахъ, для прославленія еще послѣдній разъ Бога — Цезаря: «Ave Cæsar,» восклицали покорныя жертвы, проходя предъ его трономъ, — morituri te salutant!

Въ это время дикія звѣри пріобрѣли какъ бы нѣкоторое право равенства и братства съ людьми: законъ простеръ свою отеческую заботу до самыхъ ихъ пещеръ. — Строго запрещено убивать ихъ тамъ чтобы сохранить для пожирания людей на игрывахъ цирка.

Пусть судять по этому, какой тираническій инстинктъ господствовалъ въ частныхъ нравахъ и какая желѣзная рука должна была тяготѣть надъ всѣми слабыми: дѣти, жены, рабы, бѣдняки находились въ несчастномъ положеніи. Дѣти только что родившіеся были повседневно обрекаемы на смерть отъ холода или голода; ихъ бросали на края дороги и стада волковъ, выходящихъ каждую ночь изъ Абруццо, пожирали несчастныхъ. За самыя ничтожныя причины разводились съ женами, ихъ изгоняли часто прежде разрѣшенія ихъ беременности; бракъ былъ нечто иное какъ законное распутство и даже въ такомъ видѣ его никто нежелалъ и прелюбодѣяніе было признаваемо, за облегченіе брачныхъ узъ. Вотъ какова была участь несчастныхъ!

Между учрежденіями язычества невиднo было ни одного, основаннаго служителями религіи или начальниками управленія для оказанія помощи больнымъ и немощнымъ, — несчастные были лишены всего. Одинъ римскій императоръ въ одномъ словѣ, сказалъ все: *Nobis graves sunt — они намъ пещны*. Жестокость противъ саюго себя высказывалась самоубійствомъ: коль скоро постигло какое нибудь печаліе, какая нибудь не милость, налагали на себя руки, и это нравственное униженіе называлась добродѣтью, освящалось примѣромъ людей самыхъ уважаемыхъ общественнымъ

миѣніемъ—это были врата для благороднаго выхода изъ жизни.

Другая сторона языческихъ нравовъ соперничавшая съ жестокостью и на которую намъ должно обратить вниманіе—это потеря всякаго инстинкта воздержанія и стыдливости.

Безстыдство, также какъ жестокость нравовъ, выразились въ величайшемъ нарушеніи законовъ природы, рабство и кровавыя игры цирка, ихъ развратъ отразился въ странной чудовищности—я разумью противоестественную любовь. Эти двѣ черты нравственнаго развращенія характеризуютъ всю древность и въ особенности ея послѣднія столѣтія: они обнаруживаютъ самую крайнюю степень паденія человѣческаго рода.

Противуестественная любовь—это неимѣющее имени преступленіе, о которомъ теперь благодаря провидѣнію, при святой свободѣ невинности, едва могутъ слышать наши христіанскіе нравы, была нѣкоторымъ образомъ гораздо болѣе принята нежели влеченіе къ женщинамъ. Гиббонъ приписываетъ ее пятнадцати первымъ римскимъ императорамъ, исключая Клавдія, жившаго въ кровосмѣшеніи. Самая разборчивая деликатность тѣмъ не оскорблялась, и самая строгая философія любила предаваться этой чудовищности. Свирѣль увлекательнаго *Виргилія*, лира *Тибула* и *Горация* занимали у нее свои вдохновенія; она была господствующимъ вкусомъ *Катона* и самый *Цицеронъ* (краснѣемъ его читая) въ своемъ прекрасномъ трактатѣ *о природѣ боговъ*, признаетъ ее и даже извлекаетъ изъ того нѣкотораго рода доказательство для своего предмета... До какой потери стыда и всѣхъ нравственныхъ чувствъ нужно было дойти, чтобы честный человѣкъ какъ *Цицеронъ*—первосвя-

щенникъ, консуль, Отець отечества, разеуждая о природѣ божеской, могъ подумать помѣстить среди возвышенныхъ мудрствованій подобную мерзость.

Какovy же были другіе люди, въ особенности въ послѣднія времена, когда возрастало всякаго рода развращеніе нравовъ.

Сенека сказываетъ, что въ его время, послѣ ужиновъ несчастные мальчики подвергались поноснымъ обидамъ; и закопъ (Scantinie) вѣроятно думалъ быть строгимъ изъемя изъ общественнаго посрамленія мальчиковъ, отличающихся происхожденіемъ. Въ разговорѣ Амуровъ приписываемомъ Лукіану, сочинитель выводитъ на сцену двухъ лицъ спорящихъ объ гнусности; и между другими доказательствами, помѣщено слѣдующее: «львы вступаютъ въ бракъ только со львами, говоришь ты?—Это потому, что львы *нефилософствуютъ*». Мѣтко направленная стрѣла Сатиры! Вотъ во что философія можетъ превратить міръ!

Практическое распространеніе этого *философскаго* вкуса было столь всеобще, что почиталось добродѣтелью и наконецъ вооружалось противъ природы: «въ городахъ Греція пишетъ Монтескье», любовь имѣла одну только форму, о которой нельзя сказать». Плутархъ въ своемъ трактатѣ о любви, гдѣ онъ пространно раскрываетъ этотъ предметъ, говорить: «относительно же истинной любви, женщины не имѣютъ въ ней части».

Таковое преступленіе имѣло два разрушающія результата для общества—презрѣніе женщинъ и дѣтей. Весь порядокъ природы былъ нарушенъ: помы назначенные для соединенія розобщались, возрасты, требующіе взаимнаго

уваженія, грязпились въ нечистотѣ. Законъ долженъ вмѣшаться, чтобы возстановлять силу склонность внушенную природою къ нашему воспроизведенію; и общество, угрожаемое разрушеніемъ и прекращеніемъ, произвело уставы противъ безбрачія.

Коснувшись такимъ образомъ всей глубины этой пропасти зла, обратимъ наше вниманіе на слѣдствія чудовищнаго распутства.

Законы *Julia de maritandis ordinibus* et *Papia Poppaea*, установленныя Августомъ противъ безбрачія, для обузданія порока ими преслѣдуемаго, опиравшись на другомъ не менѣе поносномъ, но менѣе предосудительномъ для продолженія общества преступленіи.

Вотъ все, что можно было сдѣлать челоѣколюбиваго въ состояніи гнилости, въ каковое былъ поверженъ міръ. Старались привлечь мужчинъ къ супружеству корыстью: безбрачнымъ строго запрещено было получать что нибудь по завѣщаніямъ, такимъ образомъ много гражданъ принуждены были вступить въ супружество. Но цѣль этимъ еще не была достигнута, — нужно было сдѣлать ихъ отцами, почему было положено женатымъ, но не имѣющимъ дѣтей, получать только половину завѣщаннаго, по причинѣ неспособности.

Все, достающееся немощнымъ по причинѣ ихъ неспособности, было отдаваемо имѣющимъ дѣтей. Такимъ образомъ, по словамъ Плутарха, женились и имѣли дѣтей, не для того, чтобы видѣть въ нихъ наслѣдниковъ; но чтобы имѣть право на наслѣдство. Пламя любви замѣнилось пламенемъ жадности.

Inde faces ardent; veniunt a dote sagittae *.

При этакихъ даже условіяхъ нельзя было излѣчить зла; все, что могло быть достигнуто—это прелюбодѣяніе. Читайте Ювенала, котораго можно обвинять не въ преувеличаніи, а развѣ въ томъ, что онъ несовершенно еще приблизилъ свои изображенія къ ихъ подлинникамъ и котораго здравая совѣсть, кажется нарочно предохраненною провидѣніемъ для спасенія въ себѣ чести человечества въ этомъ ужасномъ крушеніи. «Какъ цѣнишь ты эту преданность? такъ заставляетъ онъ говорить угодливаго, любезнаго прелюбодѣя мужу. «По истинѣ ты долженъ вспомнить и твои неотступныя просьбы и твои обѣщанія. Часто я удерживалъ твою половину: она уже было разорвала актъ вашего Гименея, и бѣжала подписать другой.... На что ты жалуешься, неблагодарный? Ты отецъ; я доставилъ тебѣ эти *intra parentis*, посредствомъ меня ты можешь быть утвержденъ наслѣдникомъ. Ты получать будешь имѣнія по завѣщаніямъ, которые въ пользу твою могутъ быть сдѣланы и пріятныя выгоды немощныхъ *et dulce caducum*. И ежели я достигну еще до того, чтобы доставить трехъ дѣтей твоему дому, не увидишь ли ты тогда другихъ выгодъ, которыхъ ты долженъ еще ожидать?»

Каковы нравы! каково общество!

Тогда когда честь брака была унижена предъ прелюбодѣяніемъ; мужья съ съ своей стороны заключали другіе браки, для сразднованія которыхъ небыло недостатка ни въ платѣ, ни въ покрывалахъ, ни въ клятвахъ и свѣтильникахъ, ни въ чемъ, говорю я, исключая женщины. Во времена Ювенала, однако, публика не присутствовала

* *Juvenal sat VI.*

еще при этих новых и безчестных браках, они не были еще открыто празднуемы; но «поживемъ только, восклицаетъ великій сатирикъ, и увидимъ общественно составляемыми эти отвратительныя связи; мы увидимъ ихъ дозволенными закономъ *». Нѣсколько лѣтъ прошло надъ прахомъ поэта и его пророчество осуществилось! Его ипербола была выполнена, даже превзойдена все увеличивающимися волнами этихъ нечистыхъ нравовъ.

Но исполнилась ли мѣра зла?

Что сказать послѣ этаго о другихъ безчинствахъ въ языческихъ правахъ: о богатствѣ зданій о утонченности и роскоши пиршествъ? Нѣтъ силъ изобразить такуюю чувственность, нѣтъ возможности вѣрить. Углубившись въ эти времена состаревшагося язычества, вникнувши въ его нравы и проникнувшись ими, душа испытываетъ какъ бы нѣкотораго рода удущье, — такъ она чувствуетъ себя погруженною въ чувственность, такъ нравственный мракъ непроницаемъ, такъ природа оскорблена! Такъ человѣкъ упалъ, такъ отдалился отъ Бога! Познанія, приобрѣтенныя посредствомъ преданія о Богѣ и душѣ прекращаются, истребляемые философіею и политеизмомъ; съ понятіемъ о единствѣ Божіимъ, исчезло братство человѣчества, съ догматами духовнаго начала и безсмертія души, исчезло призваніе человѣчества къ духовному господству; уничиженіе духа повлекло, само по себѣ, къ разстройству нашей физической природы и къ разрыву общества. Напитанные безъ нашего вѣдома свѣтомъ и добродѣтелями христіанства, мы съ трудомъ можемъ составить себѣ идею того, чѣмъ

* Juvenal sat II.

быль міръ, лишенный такового блага, когда сорокъ вѣковъ суевѣрія и растройства всѣхъ родовъ собиравльсь, надъ родомъ человѣческимъ,—это былъ хаосъ лишенный дыханія Божія.

И какъ будто все долженствовало состязаться для окончательной гибели человѣческаго рода,—съ одной стороны, въ первый разъ послѣ своего разъединенія, онъ былъ собранъ въ одно тѣло подъ римскимъ владычествомъ, котораго испорченность, какъ смердящая рана, распространялась по всѣмъ членамъ съ ужасною заразительностію,—съ другой стороны, волны варваровъ, тѣснившихся кругомъ, подобно дикимъ звѣрямъ, ожидавшимъ открытія арены, стремились броситься на міръ и разорвать его въ этой борьбѣ, чтобы никакой элементъ цивилизаціи, никакая высшая рука не могла спасти его отъ разоренія, вырвавъ побѣжденныхъ у побѣды, и самыхъ побѣдителей у ихъ собственной лютости.

(Продолженіе) будетъ).

НѢЧТО О ПАСХАЛЬНОМЪ ХЛѢБѢ.

Ко дню свѣтлаго праздника воскресенія Христова, между другими яствами, готовится особенный здобный хлѣбъ. Въ Малороссіи этотъ хлѣбъ обыкновенно называется пасхой. Этотъ хлѣбъ г. П. считаетъ не только священнымъ, но и святымъ, усвая ему огромное церковное, даже таинственное значеніе. Онъ думаетъ, что этотъ хлѣбъ-пасха знаменуетъ Христа Спасителя, есть его символъ и образъ, онъ думаетъ, что выраженіе церковной пѣсни: *пасха есть Христосъ избавитель*, относится къ этому хлѣбу. По мнѣнію г. П. хлѣбъ, приготовляемый къ освященію на пасху, равенъ по значенію съ таинственнымъ хлѣбомъ тѣла и крови Христовой, преподаваемого вѣрующимъ въ таинствѣ евхаристіи. Это, впрочемъ, не личный взглядъ одного только г. П.,—такъ думаютъ очень многіе у насъ. Мнѣніе послѣдняго есть только выраженіе общенароднаго взгляда на значеніе нашего хлѣба-пасхи.

Что же такое этотъ хлѣбъ - пасха и какъ слѣдуетъ готовить его? Дѣйствительно ли печенье пасхи есть

¹ Въ редакцію прислана для напечатанія отъ г. П. статья о томъ, должно ли печь пасху съ примѣсью постороннихъ веществъ?—По поводу сей статьи написано предполагаемое здѣсь.

установленіе св. церкви? По крайней мѣрѣ, обычай печь такіе пасхи древній или всеобщій?...

Кажется нигдѣ, кромѣ нашей святой Руси, не знаютъ такого хлѣба. Путешественники, которые видѣли и описали, какъ празднуютъ свѣтлый праздникъ въ другихъ странахъ, ничего не говорятъ о употребленіи тамъ хлѣба пасхи. Святогорець, описывая празднованіе пасхи на Аѳонѣ, ничего не говоритъ о какомъ нибудь пасхальномъ хлѣбѣ. Говоря о трапезѣ въ день св. пасхи, онъ отличаетъ обѣдь только особеннымъ обиліемъ сравнительно съ другими днями. «Трапеза, говоритъ онъ, была исполнена утѣшенія и, судя по пустынически, роскошна, т. е. состояла изъ трехъ блюдъ». Послѣ вечерни «старецъ - игумень угощаль насъ десертомъ (глико) и кофе»². Единственная особенность, собственно пасхальная, состояла въ томъ, что игумень раздавалъ вѣзмъ красныя яйца³. Тоже самое подтверждаетъ и другой путешественникъ, описывающій день пасхи на святой Аѳонской горѣ, инокъ Пароеній. Онъ, равно какъ и святогорець, отличаетъ братскую трапезу на пасху только особеннымъ обиліемъ. «Трапеза, замѣчаетъ онъ, была торжественная и обильная»⁴. Не только на Аѳонѣ, но даже и по всему востоку не знаютъ нашей пасхи-хлѣба. Тотъ же самый инокъ Пароеній два раза былъ въ Іерусалимѣ въ праздникъ пасхи и замѣтилъ только, что и тамъ также, какъ у насъ, да и вездѣ употребляютъ красныя яйца во время пасхи, а нашей пасхи-

² Письмо святогорца 1, стр. 128.

³ Тамъ же — стр. 127.

⁴ Сказаніе о странствіи и путешествіи постриженника св. горы Аѳонскія, инока Пароенія, изд. втор. ч. II, стр. 235.

хлѣба вовсе не видалъ⁵. Можно сказать, что обычай употреблять пасху - хлѣбъ во время свѣтлаго праздника есть нашъ мѣстный обычай. Самъ г. П. знаетъ, что приготовляютъ пасху только въ нашихъ «губерніяхъ Малороссійскихъ и частію въ Подшѣ». Дѣйствительно въ Велико-россіи хлѣбъ пасхальный называется *куличемъ*, а названіе пасхи усвоится особеннымъ образомъ приготовленному сыру, имѣющему крестовидную форму.

Но соглашаясь, что печенье и употребленіе пасхи есть нашъ Малороссійскій и частію Польскій обычай, г. П. возводитъ этотъ обычай въ глубокую древность, къ первымъ временамъ христіанства. «*Въ древности, домо еще по воскресеніи Спасителя, пасха пеклась изъ одной чистой муки*» говоритъ онъ. Откуда онъ знаетъ, что пасха пеклась и въ древности, тотчасъ по воскресеніи Спасителя? Исторія ничего не говоритъ подобнаго. Извѣстенъ отличительный обычай праздника пасхи «дарить другъ другу яйца, окрашенные краснымъ цвѣтомъ»⁶. Ученый грекъ Константинъ Экономидъ, писавшій «о началѣ обыкновенія употреблять яйца во время пасхи». Видѣвшій древнѣйшіе церковные уставы съ описаніемъ разныхъ обрядовъ и обычаевъ, о нашей пасхѣ, даже намекъ нигдѣ не нашель. Такъ въ рукописи Фессалоникійскаго монастыря св. Аѳанасія, которая относится къ IX вѣку по р. Хр., онъ читалъ свидѣтельство только о томъ, что въ древности въ праздникъ пасхи освящались только яйца и сыръ. Въ концѣ церковнаго устава, помѣщеннаго въ Фессалони-

⁵ Тамъ же ч. III, стр. 110, ч. IV, стр. 122.

⁶ Разсужденіе о поведеніи первенствующихъ христіанъ во дни воскресные и праздничные.

кїйской рукописи, сказано: «читается также молитва на освященіе сыра и яицъ, и игумень, цѣлуя братїй, раздаетъ имъ яйца и говоритъ: Христось воскрес!» и потомъ обычай дарить другъ другу красныя яйца въ день пасхи возводится ко временамъ апостольскимъ, къ Марїи Магдалинѣ. Въ самыхъ древнѣйшихъ требникахъ, какіе только сохранились, нѣтъ никакой молитвы на освященіе пасхи-хлѣба. Въ требникѣ, напр., св. Григорія Двоеслова, жившаго въ VI вѣкѣ, есть только молитва на освященіе сыра и яицъ, но на освященіе хлѣба - пасхи нѣтъ совершенно ничего.

Въ журналѣ «Странникъ» въ статьѣ: «святая четырехдесятница и пасха у древнихъ христіанъ», свящ. о. Павла Матвѣевскаго, говорится: «и въ древней церкви, какъ теперь, былъ обычай въ праздникъ пасхи приносить во храмъ для благословенія разныя яства, вкушеніе которыхъ, съ прекращеніемъ поста, опять дозволялось вѣрующимъ. Между яствами чаще приносили яйца и *хлѣбы, приготовленные особеннымъ образомъ*»⁷. Но на чемъ основано такое сказаніе неизвѣстно. Авторъ указанной статьи въ подтвержденіе своихъ словъ дѣлаетъ только такую ссылку: «въ требникѣ св. Григорія Двоеслова есть уже молитвы на благословеніе яицъ». Но, очевидно, такія ссылки ничего не говорятъ въ пользу печенья хлѣба-пасхи въ древности.

Несомнѣнно теперь, что въ древности вовсе не знали употребленія хлѣба-пасхи. Это обычай новый и мѣстный. Древніе христіане дѣйствительно день пасхи отличали преимущественно тѣмъ, что вкушали святѣйшаго хлѣба—пре-

⁷ Странникъ, 1863 г. Мартъ, стр. 132.

чистаго тѣла и крови Христовой. Они вкушали ту пасху, которая истинно есть, по выраженію церковной книги, «Самъ Христосъ и Агнецъ, взявша грѣхи міра, на олтари, въ безкровной жертвѣ, въ пречистыхъ тайнахъ, чистаго тѣла и животворящія крове своея отъ іерея Богу и Отцу приносимый». Вотъ какую пасху вкушали древніе христіане, празднуя день возстанія Христа Спасителя отъ мертвыхъ. Отъ Павла Матвѣевскій, въ концѣ указанной нами статьи, говоритъ: «праздникъ пасхи продолжался цѣлую недѣлю, вѣрующіе каждодневно собирались въ церковь, приступали ко св. причащенію и слушали поученія»⁸. Обычай приобщаться тѣла и крови Спасителя въ день пасхи въ древности былъ въ такой силѣ, что даже не могшимъ, по какимъ либо основательнымъ причинамъ придти въ храмъ, для причащенія тѣла и крови Спасителя, посылались св. тайны туда, гдѣ находились христіане. Такъ Леандръ, еп. Исполитанскій, во время праздника пасхи посылалъ пресвитера своего съ св. дарами въ темницу, приобщать царевича Эрмингельда, заключеннаго своимъ отцомъ, готскимъ королемъ Людвиггельдомъ за то, что тотъ не принялъ аріанскаго лжеученія, котораго держался самъ⁹. Въ наше время, когда христіане не отличаются такою строгою жизнію, какую вели древніе христіане, и потому не всякій можетъ достойно содержать себя послѣ принятія св. таинъ въ день пасхи,—этотъ обычай перенесенъ на предшествующій постъ св. четырехдесятницы. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и нынѣшніе христіане ведутъ строгую подвижническую жизнь, обычай этотъ еще существуетъ.

⁸ Тамъ же стр. 133.

⁹ Чет. мин. ноябрь, 1.

Такъ на Аѳонѣ, въ день пасхи, и теперь всё приобщаются тѣла и крови Спасителя. Святгорець, описывая первый день пасхи на Аѳонѣ, говоритъ: «всѣ мы были въ единственный этотъ день причастниками божественной трапезы, т. е. тѣла и крови нашего Господа» ¹⁰. Инокъ Парѳеній тоже говоритъ, что, во время посѣщенія имъ Аѳона, въ день пасхи «были причастниками св. таинъ» ¹¹.

Понятно, что только І. Христось, принесшій себя въ жертву за насъ, есть истинная пасха избавленія нашего отъ грѣха, діавола и смерти. Причащеніе тѣла и крови Христовой есть истиннѣйшее и приличнѣйшее празднованіе дня воскресенія Христова.

Но какое же значеніе нашему хлѣбу-пасхѣ придаетъ наша русская православная церковь? Къ удивленію г. П. и раздѣляющихъ его мысли, мы должны сказать, что совершенно [никакого, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимаетъ его. Церковь поставляетъ нашу пасху на ряду съ тѣми яствами, которыя освящаются въ торжествующихъ въ день свѣтлаго праздника. Преосвященный Веніаминъ, арх. нижегородскій, въ своей книгѣ «новая скрижаль» ¹² поясняетъ, что христіане «пищу, въ день пасхи приедемую, въ доказательство духовнаго веселія готовятъ» ¹² и эта пища, къ которой принадлежитъ и наша пасха, вовсе не имѣетъ значенія агнца пасхальнаго, (какъ думаетъ г. П.), изображающаго І. Христа, по подобію іудейскаго обряда. «Церковь,—говорится далѣе въ новой скрижали,—не для храненія древняго іудейскаго закона,

¹⁰ Письмо Святгорца, часть 1, стр. 127.

¹¹ Сказ. о странств. и путеш. ин. Парѣ. ч. 2, стр. 235.

¹² Новая скрижаль, часть IV, гл. 48.

но въ наказаніе христіанскаго благочестія издревле сей обрядъ употребляютъ дозволяетъ христіанамъ. Для сего по окончаніи дней поста, по наступленіи Господнія святія пасхи и по напѣтаніи душъ славословіями яко духовною пищею, а отъ трапезъ Его благости, для нѣкоего тѣлеснаго утѣшенія и подкрѣпленія, сіе къ пользѣ нашей данное созданіе, т. е. агнца (сюда же относятся и всѣ «брашна», освящаемыя въ день пасхи), приноситъ Богу, умоляя онаго намъ благословить, и вкушающимъ пріятнаго показать, дабы мы съ благодареніемъ сего вкусивши, *самаго Бога*, который есть пища душъ и тѣлесъ нашихъ, *болѣе и съ совершеннымъ желаніемъ искали, и имъ непрестанно наслаждались*»¹³. Такимъ образомъ смыслъ яствъ, освящаемыхъ во время свѣтлаго праздника, (а слѣд. и нашего хлѣба-пасхи), тотъ, чтобы, по истеченіи поста, подкрѣпить себя освященною мясною пищею, запрещавшеюся въ постъ, и чрезъ то получить новыя силы на служеніе Богу. Въ объясненіе молитвы «во еже благословити сыръ и яйца» еще болѣе уясняется смыслъ пасхальныхъ яствъ. Относя употребленіе на пасху сыра и яицъ преимущественно къ монахамъ, новая скрыжаль говоритъ: «когда пасхальную сію отъ сыра и яицъ пишу монахи, и *мірскіе люди свою отъ мяса приемятъ* всѣ вообще говорятъ, что они тогда *разговливаются*, и такое сыра, яицъ и мяса послѣ поста первое яденіе всегда симъ *разговливаніемъ именуется*»¹⁴. И такъ разговливаніе—вотъ значеніе освящаемыхъ во время пасхи яствъ, т. е. приготовленье къ яствѣ, ягнать, поро-

¹³ Тамъ же.

¹⁴ Тамъ же стр. 48.

ять сыра и пр. и вмѣстѣ хлѣба-пасхи. Въ чинѣ освященія яствъ пасхальныхъ наша пасха-хлѣбъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ яствъ и освящается одною общею съ ними молитвою, въ которой испрашивается у Господа благословеніе и освященіе этихъ яствъ. «Призри,—такъ читается эта молитва,—Господи Іисусе Христе Боже нашъ, на брашна мясь и освяти я... и освященныхъ отъ тебе и благословенныхъ насладимся и т. д.¹⁵ Впрочемъ, бдительная наша православная церковь, чтобы каждый христіанинъ имѣлъ надлежащее понятіе о яствахъ, освящаемыхъ въ день пасхи, предлагаетъ намъ въ концѣ чина освященія оныхъ яствъ эпилогъ, въ которомъ ясно говорится, что всѣ пасхальныя яства, а вмѣстѣ и хлѣбъ-пасха (приносъ) для того освящаются, чтобы вкушеніемъ ихъ съ благословенія церкви разрѣшить постъ. Вмѣсто всякаго разбора и толкованія этого эпилога выписываемъ его слово въ слово изъ цвѣтной тріоди.

«Вѣстно же буди: яко сицевый, мясь и набѣлу, приносъ, нѣсть пасха, ниже агнецъ, яко же нѣщии глаголють, и приѣмлють, и ему со всякимъ говѣніемъ яко же нѣкоей святыни причащаются, но простое приношеніе; не аки бо сіе въ жертву Богу приносится имать, но токмо да начинающимъ по постѣ мясе и сырѣ ясти, отъ іерея предложенными молитвами въ сиѣдъ благословенно будетъ: пасха бо Самъ Христось естъ и Агнецъ взямай грѣхи міра, на олтари въ безкровной жертвѣ, въ пречистыхъ тайнахъ, честнаго тѣла и животворящія крове Своея, отъ іерея Богу и Отцу приносимый и Тому достойно причащающіися истинную ядятъ пасху. И сего ради оныя при-

¹⁵ См. эту молитву въ цвѣтной тріоди, на стр. 14.

носы яко не суть пасхи, во олтарь или въ церковь не достоитъ вносить, но внѣ церкви, или въ притворѣ, молитвою благословити, по третіему правилу святыхъ апостолъ... И по шестому собору, иже въ Трулѣ, по правилу 99-му¹⁶. У насъ дѣйствительно пасху — хлѣбъ выѣсть съ другими пасхальными яствами и не вносить въ церковь, а освящаютъ около нея, или же въ домѣ. Такимъ образомъ, по мысли церкви, а слѣдовательно и всякаго христіанина, приготовляемый вѣрующими къ освященію и яденію въ день пасхи, хлѣбъ во все не имѣетъ того важнаго и высокаго таинственнаго значенія, которое приписываютъ ему нѣкоторые. Онъ не есть образъ того хлѣба, который самъ Иисусъ Христосъ, во время тайной вечери, предположилъ апостоламъ, съ словами: «примите, ядите: сіе есть тѣло мое», не есть также и «пасха Христосъ избавитель, и не имѣетъ ни малѣйшаго и тождественнаго» отношенія къ Спасителю нашему: это не болѣе, какъ простой хлѣбъ, который готовится ко дню пасхи для того, чтобы, по окончаніи поста благоговѣнно разговѣться освященнымъ и благословеннымъ церковью брашномъ. Усвоить же ему такое значеніе, какое усвоеть II. во все не позволительно, и именемъ церкви положительно и строго запрещается.

Для чего же готовится у насъ, на Руси, къ освященію въ день пасхи еще и хлѣбъ, а не одинъ мясная яства и сыръ? вѣдь хлѣбъ позволяется ѣсть и въ постъ? Это можно объяснить особеннымъ духомъ русскаго народа — народа земледѣльческаго и хлѣбосольнаго, кото

¹⁶ Цвѣтвая тріода, листъ 15.

рый ни въ какомъ маломальски важномъ, а тѣмъ болѣе священномъ дѣлѣ необходимо безъ хлѣба—соли. Дѣлаеть ли русскій человѣкъ кому-нибудь привѣтственное поздравленіе, — онъ является съ хлѣбомъ—солью; молится ли о благополучномъ успѣхѣ какого-либо предпріятія, испрашиваетъ ли у Господа защиты и храненія въ далекомъ странствованіи, — онъ необходимо кладетъ предъ образомъ хлѣбъ; несетъ ли крестить младенца, — несетъ неизменно и хлѣбъ; при погребеніи умершаго, при отданіи послѣдняго долга ему и при поминовеніи, при встрѣчѣ бракомъ сочетавшихся, при освященіи дома и вообще при всякомъ священномъ обрядѣ и обычаѣ русскій народъ всегда и необходимо употребляетъ хлѣбъ. Словомъ, хлѣбъ, какъ главный предметъ занятія русскаго народа и при томъ самую необходимую насущную пищу, русскій человѣкъ считаетъ чѣмъ-то особеннымъ и священнымъ, приличнымъ во всякомъ добромъ и святомъ дѣлѣ. При такомъ взглядѣ на хлѣбъ и при обыкновеніи употреблять его во всякомъ церковномъ обрядѣ и обычаѣ, даже было бы странно если бы русскій народъ, при освященіи разныхъ яствъ въ день пасхи, не употреблялъ и хлѣба. Такимъ образомъ не какое нибудь исключительно религіозное побужденіе, но благоговѣйное отношеніе къ хлѣбу и особенный священный взглядъ на него—научили русскій народъ къ разнымъ пасхальнымъ яствамъ присоединять и хлѣбъ. Это же самое благоговѣйное отношеніе къ хлѣбу, съ одной стороны, и съ другой—не основательное и не глубокое пониманіе смысла освящаемыхъ въ день пасхи яствъ и самаго праздника пасхи, а также и слова «пасхи» — слова не славянскаго, а иностраннаго, еврейскаго, — усвоили хлѣбу

название пасха. Слово пасха значитъ: прехождение, или мимо прохождение. Такъ называли евреи тотъ свой праздникъ, въ который воспоминали *изшествіе* свое изъ Египта и *прохождение* ангела—истребителя домовъ избраннаго народа, окропленныхъ кровію закланнаго, по повелѣнію Божію агнца. Этотъ пасхальный агнецъ, котораго израильтяне постоянно вкушали въ праздникъ пасхи, какъ напоминаніе своего избавленія отъ работы египетскія и отъ истребленія ангеломъ, убившимъ въ одну ночь всѣхъ первенцевъ египетскихъ,—прообразомъ нашего Агнца, Христа Спасителя, Котораго пречистое тѣло и честную кровь мы принимаемъ въ таинствѣ причащенія и чрезъ то *избавляемся* отъ работы вражескія, *переходимъ* отъ смерти въ животъ вѣчный. Самый праздникъ, въ который мы торжественно воспоминаемъ побѣду Спасителя надъ діаволомъ—воскресеніе Христово—мы называемъ пасхою. Само собою, такъ какъ нашъ хлѣбъ—пасха ничего подобнаго не знаменуетъ и не выражаетъ, то этотъ хлѣбъ и нельзя, въ строгомъ смыслѣ, называть пасхою. Если же мы и называемъ его пасхою, то не болѣе, какъ въ значеніи времени употребленія его, въ значеніи чисто виѣшнемъ, а не въ какомъ либо многознаменательномъ и таинственномъ.

Понятно теперь, что печеніе и составъ нашего хлѣба—пасхи, при томъ значеніи, какое мы вмѣстѣ съ православною церковію усвоаемъ ему, не можетъ стѣсняться никакими особенными, необходимыми и строгими правилами. Кому какъ хочется и кажется лучше, такъ и можетъ его готовить. Впрочемъ, такъ какъ всякая вещь должна быть сообразна съ своимъ назначеніемъ и прилична

своему употребленію, то можно опредѣлить надлежащій видъ и составъ хлѣба—пасхи. Эта пасха наша назначается къ употребленію въ торжественный и радостнѣйшій праздникъ воскресенія Христова. Христіане во всей внѣшней обстановкѣ употребляютъ въ этотъ день все лучшее и изящнѣйшее, стараются сдѣлать свой праздникъ праздниковъ какъ можно великолѣпнѣе и величественнѣе, чтобы такимъ образомъ внѣшность соотвѣтствовала внутреннему ихъ настроенію. Отсюда естественно, что и самый хлѣбъ, который христіане особенно употребляютъ въ это торжество торжествъ, долженъ соотвѣтствовать всей величественной обстановкѣ этого времени. Потому, прежде всего онъ долженъ состоять изъ возможно лучшаго матеріала, т. е. мука должна быть преимущественно пшеничная и лучшаго сорта. Примѣсь—шафранъ, кардомонъ, корица, и др., которыя обыкновенно употребляютъ въ пасху и которыя г. П. считаетъ неприличными, не сообразными со вкусомъ хлѣба и нечистыми,—во все нельзя запрещать примѣшивать къ пасхѣ. Кромѣ того, у насъ такой хлѣбъ употребляется именно въ тотъ день, когда вѣрующіе съ благословенія церкви разрѣшаютъ предшествующій постъ и вкушаютъ мясныя, скоромныя яства. Поэтому и къ хлѣбу—пасхѣ можно примѣшивать такія вещества, которыя употребляютъ въ пищу недозволялось въ постъ. Вообще же таковыя примѣси годятся въ пасху, какъ хлѣбъ, употребляемый въ скоромный день, тѣмъ болѣе, что эти примѣси много возвышаютъ вкусъ и красоту хлѣба.

Уч. Высш. отд. сем. *Федоръ Сахновскій.*

IV.

БОРЗЕНСКІЙ УЪЗДЪ.

(Окончаніе).

ПАРАФІЕКА

село, въ 15 вер. отъ Борзны и въ 20 отъ Ични, при дорогѣ изъ Конотопа въ Нѣжинъ, расположена по сторонамъ крутаго оврага, раздѣляющаго Парафіевку на двѣ половины, восточную и западную; одно изъ древнихъ поселеній ⁴⁴.

Въ архивѣ хранятся указы съ 1724 г. Въ храмѣ евангеліе м. п. 1744 г.

Каменный храмъ св. Николая, построенный на мѣсто сгорѣвшаго въ 1796 г. на счетъ графа Петра Александровича Румянцева, заслуживаетъ вниманія какъ по своей архитектурѣ, такъ и по письму иконъ. Онъ продолговатый, въ видѣ корабля, съ одною главою, съ четырьмя башнями по сторонамъ алтаря. Зодчество его—смѣсь византійскаго съ италіянскимъ и готическимъ. Всѣ четыре

⁴⁴ По донесенію генеральной канцеляріи отъ 11 января 1724 г. «село Парафіевкою до измѣны владѣлъ обозный генеральный Ломповскій, а по измѣнѣ завладѣлъ г. Савва Рагузинскій», извѣстный грабитель—откупщикъ Украны. *Судіенки матер.* 1, отд. 1. 24. 57. 104. Отд. 2, 81. 82. ч. 2. 418. 482.

фасада его—разныя и это придаетъ ему красоту. Обширный куполь покрываетъ все зданіе, опираясь на стѣны его.

Число прихожанъ: въ 1770 г. 1260 м. 1248 ж., въ 1790 г. 1345 м. 1332 ж., въ 1810 г. 1492 м. 1530 ж., въ 1830 г. 1602 м. 1712 ж., въ 1850 г. 1698 м. 1705 ж., въ 1860 г. 1880 м. 1926 ж., въ томъ числѣ козаковъ нынѣ до 450 м.

Жители занимаются обработкою земли, которой въ Парафіевкѣ и Качановкѣ до 8095 десятинъ. Сахарный заводъ г. Тарнавскаго, вырабатывающій въ годъ до 40000 пудовъ сахару, требуетъ для себя много свекловицы и потому доставляетъ жителямъ выгодныя заработки.

ГУЖОВКА

въ 4 вер. отъ Ични, на возвышенномъ мѣстѣ.

Какъ бывшее владѣніе князей Корибутовъ—Вишневецкихъ, Гужовка существовала въ XVI в. а названіе, не бѣлорусское, но чисто русское, указываетъ на дотатарское начало Гужовки.

Въ нынѣшнемъ преображенскомъ храмѣ ея евангеліе львов. п. 1636 г. съ надписью: «падалъ на церковь преображенія Господня Игнатъ Марковичъ Вороненко въ богоспасаемой веси Гуживцѣ, при державѣ ясне освященнаго его мил. Ереміаша Корибута князати Вишневецкаго,—справлена же въ р. 1637». Другое евангеліе—апракосъ, расположенное по днѣмъ, к. п. съ надписью: «евангеліе церкви преображенія,—весьма обветшалое, возобновися стараніемъ священниковъ оной церкви Леонтія Емельянова, протопноа ичанскаго, и Григорія Леонтьева, коштомъ же

Якова Аѳанасьева пономаря тойже церкви села Гужовки 1747 г.—въ подданствѣ тѣхъ временъ села Гужовки вельможнаго пана ѳсаула еперальнаго Якова Якубовича полка прилуцкаго».

Вещи дорогія: а) гробница яшмоваго зеленого цвѣта съ 4 колонками съ сордоликовымъ гробикомъ посрединѣ и съ крестомъ вверху изъ аквамарина. б) Плащаница шитая золотомъ, въ 500 р. то и другое—даръ г. Булича.

Число прихожанъ: въ 1770 г. 845 м. 832 ж., въ 1790 г. 909 м. 900 ж., въ 1810 г. 980 м. 1050 ж., въ 1830 г. 1028 м. 1097 ж., въ 1850 г. 1009 м. 1029 ж., въ 1860 г. 1077 м. 1067 ж., въ томъ числѣ козаковъ 786 м.

Земли въ Гужовкѣ до 5382 десятинъ.

РОЖНОВКА

въ 10 вер. отъ Ичпи, на востокѣ, на правомъ берегу р. Удая, начинающейся въ верстѣ отъ Рожновки.

Первоначально—имѣніе черниговскихъ бояръ Рожновыхъ, которыхъ потомки—дворяне Рожновы удерживаютъ гербъ черниговскаго княжества ⁴⁵. Въ 1648 г. извѣстенъ былъ староста рожанскій, что указываетъ на важность населенія Рожновъ ⁴⁶.

Каменный храмъ покрова Богородицы построенъ здѣсь на мѣсто сгорѣвшаго, усердіемъ Григорія Яковлевича Почки; это было въ 1817 г.

Изъ мѣстныхъ священниковъ замѣчательнъ о. Лука Некрашевичъ, по строгой жизни, по заботливости о поль-

⁴⁵ Лакьера геральдика 485.

⁴⁶ См. о Плискѣ.

зѣ прихожанъ и по уваженію, какимъ пользовался между духовными и свѣтскими. Отецъ Лука родился въ с. Вышенькахъ и былъ внукъ о. Димитрія Некрашевича, удалившагося отъ насилій езуитскихъ изъ подляскаго имѣнія своего въ с. Некрашевичахъ ⁴⁷. Получивъ образованіе въ киевской академіи, рукоположенъ онъ въ священника 1815 г. преосвящ. Иринеемъ и священствовалъ болѣе 40 лѣтъ. Въ 1856 г. по слабости здоровья испросилъ онъ себѣ увольненіе отъ прихода. Черты характера его: прямодушіе, которымъ онъ навлекалъ на себя непріязнь нѣкоторыхъ, рѣдкая пестяжательность, которой онъ никогда не измѣнялъ, кроткая любовь ко всѣмъ, глубокая преданность во лѣ Божіей, по которой онъ и тогда, какъ болѣе 5 лѣтъ страдалъ болью въ головѣ, былъ покоенъ душею; а слухъ и зрѣніе ослабли у него отъ того, что для напутствія больныхъ св. дарами ходилъ онъ всегда съ открытою головою, благоговѣя предъ страшными тайнами; такое благоговѣніе его отпечатлѣвалось и на всемъ служеніи его Богу.

Число прихожанъ: въ 1770 г. 510 м. 500 ж., въ 1790 г. 539 м. 530 ж., въ 1810 г. 572 м. 590 ж., въ 1830 г. 780 м. 801 ж., въ 1850 г. 811 м. 819 ж., въ 1860 г. 831 м. 840 ж., въ томъ числѣ козаковъ 85 м.

Въ Рожновкѣ земли—3778 десятинь, достаточно для жизни не бѣдной.

КРУПИЧПОЛЕ

въ 33 вер. отъ Борзны, на р. Удаѣ, въ сосѣдствѣ въ

⁴⁷ См. о Вишенькахъ остер. у.

Сваричовкою ⁴⁸ и Припутнями ⁴⁹, на транспортной дорогѣ изъ сѣверныхъ уѣздовъ въ Ичнѣ и Прилуки.

Село Крупичполе извѣстно было и при польскомъ правительствѣ ⁵⁰. Принимая еще во вниманіе названіе поселенія и положеніе его на торной дорогѣ и на Удаѣ, исторической дотатарской рѣкѣ, остаемся увѣренными, что Крупичполе принадлежитъ къ поселеніямъ дотатарскимъ.

Въ нынѣшнемъ храмѣ свят. Николая мѣстная икона святителя украшена серебр. ризою чеканной работы Сазикова. Это—даръ уроженца крупичпольскаго Андрея Ивановича Подгаевского, инспектора ярославской врачебной управы. Онъ же пожертвовалъ храму, освятившему его крещеніемъ, евангеліе, потиръ съ приборомъ, плащаницу, бархатную ризу и нѣсколько другихъ вещей.

Изъ древнихъ приношеній уцѣлѣло немногое: цвѣтная тріодь черн. п. 1685 г., евангеліе к. п. 1697 г. съ

⁴⁸ Надъ входомъ храма надпись: «создася храмъ усненіе пресв. Богородицы трудомъ товарища Сѣчи запорожской куреня коневского Алексѣемъ Ябвлевымъ Висунскимъ и парохіянами сваричовскими». Контрактъ 1763 г говоритъ: «вкругъ *старой* церкви устроить вновь церковь,—якъ в мѣстечку Ични церковь св. Николая, за сумму сто десять рублей». Тріодь постная львов. п. 1618 г. и евангеліе львов. п. 1600 г. перешли изъ сваричовскаго въ Шилевскій храмъ. Сл. прим. 46.

⁴⁹ На дверяхъ храма надпись: «создася храмъ въ имя рожд. Богородицы—1730 г. за стараніемъ о. Димитрія и пана Сотника». Октоихъ к. п. 1699 г.

⁵⁰ Ригельманъ 2, 20. По универсалу 1708 г. сент. 27 «село Крупичполе съ приселчани Вишневою и Сваричовкою», также «села: Рожновка, Максимовка, Безугловка, Липовый Рогъ, Дѣвица Володкова и Переводъ» утверждены за нѣжинскимъ полковникомъ Лукьяномъ Жураковскимъ царскими грамотами.—Жураковскіе съ гербомъ Саса, выписи изъ Червонной Руси. Въ 1723 г. имѣнія генеральнаго Эсаула Василія Жураковскаго, по дѣлу о полуботкѣ, отобраны въ казну; но въ 1725 г. возвращены (лѣтоп. салав. 100).

польскою, но стершеюся надписью; другое евангеліе м. п. 1763 г. съ надписью: «з Сѣчи запорожской коштою козака куреня каневского Олекси Горба 1765 г.». Чаша сереб. съ надписью: «сооружилъ козакъ куреня жерелѣвскаго, атаманъ, Моисей Дрокъ за упокой Ивана Похила, до храму св. Николая в село Крупичполе 1769 г.»

По переписи 1767 г. въ пользованіи священника пахать на 80 дней (60 дес.), семь лѣсныхъ дачъ и 4 сѣнокосныхъ. Эту церковную собственность священникъ Гавріиль Фирсовскій († 1787 г.), причисливъ къ своей емлѣ, передалъ въ наслѣдство дѣтямъ. Жалкій поступокъ!

Священникъ Андрей Слоницькій былъ искренній пастырь и рабъ Божій. Окончивъ ученіе въ черниговской семинаріи, рукоположенъ онъ былъ въ Гужовку гдѣ пробылъ недолго. По смерти отца перемѣстился онъ въ Крупичполе для поддержанія матери и родныхъ. Въ кругу семейства терпѣлъ онъ много непріятностей. Устроивъ судьбу сестеръ и брата, нѣкоторое время наслаждался онъ щастіемъ. Начальство поручило ему должность благочиннаго и духовные были довольны имъ. Въ 1846 г. ноября 8 возвращаясь изъ Борзны, гдѣ говорилъ проповѣдь, не нашелъ онъ у себя ни кола, ни двора: пожаръ истребилъ все его имущество; при этомъ жертвою пламени былъ осьмилѣтній сынъ его, соннымъ забытый матерію, едва успѣвшею спастись съ другими дѣтьми. Два года жилъ онъ съ семьей въ чужой, тѣсной, хатѣ, гдѣ постигла его новая потеря, смерть другаго сына. Терпѣливый, какъ Іовъ, говорилъ онъ тоскующей женѣ: «не плачь, на все—воля

Божія; Богъ далъ намъ состояніе, Онъ и взялъ; если нужно, Онъ же и подастъ; съющій слезами пожинать будетъ съ радостію, если не здѣсь, то тамъ». Спустя два года послѣ пожара, о. Андрей оканчивалъ домъ: но — перешелъ самъ въ другую жизнь. Новыя тяжкія скорби поразили его предъ тѣмъ: трехлѣтній сынь умеръ отъ холеры, а въ августѣ умерла жена его. О. Андрей, пораженный столькими потерями, заболѣлъ горячкою и 13 октября скончался. О. Андрей былъ священникъ добрый и умный. Разъ одинъ священникъ спросилъ: «отъ чего зловловіе чернить, по большей части, людей честныхъ»? О. Андрей отвѣчалъ: «а отъ чего червякъ точитъ только вкусный плодъ»?

По гражданскимъ вѣдомостямъ показывали въ Крутичнолѣ: въ 1736 г. 25 семей козачьихъ и 12 посполитыхъ; въ 1748 г. 25 козаковъ и 80 посполитыхъ.

По церковнымъ записямъ число прихожанъ: въ 1750 г. 590 м. 580 ж., въ 1770 г. 620 м. 610 ж., въ 1790 г. 650 м. 641 ж., въ 1810 г. 726 м. 733 ж., въ 1830 г. 803 м. 816 ж., въ 1850 г. 925 м. 936 ж., въ 1860 г. 847 м. 876 ж., въ томъ числѣ козаковъ 335 м.

Земли въ Крутичнолѣ до 5669 десятинъ, довольно для продовольствія жителей.

Число прихожанъ прочихъ церквей уѣзда.

	1770		1790		1810		1830		1850		1860	
1.												
Головеньки . . .	880	908	1028	1062	1168	1266	933	1092	1038	1147	1092	1197
Чесноковки . . .	280	265	336	411	444	514	391	443	440	477	456	536
Степановки . . .	190	178	254	252	198	228	305	314	307	308	326	310
Холмовъ . . .	280	265	306	300	326	325	348	350	376	378	386	402
Сидоровки . . .	80	70	123	128	177	174	244	257	229	230	285	270
2.												
Британовъ . . .	399	375	450	438	500	490	585	488	569	622	590	648
Стрѣльниговъ . . .	893	914	1101	1157	1007	1048	1089	1125	1210	1267	1270	1410
Евлашевки . . .	548	530	596	575	660	660	740	800	782	843	862	874
Красиловки . . .	729	689	778	760	835	866	888	1026	995	1043	1047	1155
Мартиновки . . .	698	696	770	778	829	840	879	924	899	1010	1034	1090
Махновки . . .	524	510	546	533	584	666	552	633	643	665	639	649
Николаевки . . .	465	460	519	547	548	558	594	630	624	624	540	568
Вел.-Загоровки . . .	1160	1170	1263	1346	1196	1352	1273	1392	1277	1402	1533	1596
Мал.-Загоровки . . .	410	385	428	418	448	458	472	500	495	560	514	580
Бурковки . . .	378	360	394	364	456	460	431	467	406	450	428	486
Носеловки . . .	416	408	434	425	458	450	481	478	504	512	530	542
Смоляжа . . .	360	338	387	386	415	450	453	476	482	492	520	510
3.												
Буромки . . .	702	692	748	740	792	790	835	845	875	890	902	920
Бѣльмачовки . . .	370	373	425	420	440	450	464	484	488	516	521	526
Максимовки . . .	415	390	445	438	480	472	509	510	536	546	553	580
Припутней . . .	602	601	652	660	694	710	730	767	758	806	774	850
Печей . . .	342	290	370	346	400	395	545	600	622	633	655	684
Шиловичъ . . .	270	250	296	280	325	320	357	351	380	381	393	395
Омбыши . . .	438	432	483	480	520	528	557	580	585	638	612	690
Каченовки . . .	—	—	—	—	—	—	660	630	764	770	698	730
Сваричовка . . .	602	589	620	610	658	650	690	689	729	738	745	763

Общи заключенія о поселеніяхъ борзенаго уѣзда.

а) Поселенія начавшіяся до татаръ: Борзна, Кладьковка, Ставъ (Стояничи), Прачи, Ядуты, Холмы, Комаровка, (Всеволожъ, Прохоры, Хвастовцы, Бѣлая-Вѣжа, Хорошее, Плиски), Ясково (Ичня), Иванъ-Городъ, Гужовка, Крупицьполе, Печи, Омбышь.

б) Прочія поселенія начались не раньше 15 стол.

